

Думер

Автор:

Игорь Нокс

Думер

Игорь Нокс

Мир, напоминающий наши 90-е. Бандиты, неформалы и русский рок. Пепси-кола, магнитофоны «Орбита» и «вишневые девятки». Первые денди и первые рэйвы. И много всего другого, зачастую – тоже «первого». Вот только разборки здесь устраивают не просто бандиты, но и обладающие магией аристократы, а из таинственных Прорывов выходят монстры. Во мне открылся магический дар, и теперь самые разные одарённые проявляют ко мне интерес. Но есть нюанс: я в этом мире – всего несколько дней. И по пятам идут таинственные Санитары...

Игорь Нокс

Думер

Глава 1

Все события вымышлены. Все совпадения – случайны. Так сказали Санитары.

– Думер, ну где ты?! Ждем две минуты, не появишься – начинаем без тебя. Сам догонять будешь.

Я даже не успел ничего ответить. Только зря остановил электросамокат, чтобы принять звонок, а ребята уже отключились. Но злиться тут можно разве что на себя: даже если они и могут меня подождать, то рабочие подсобных помещений затягивать пересменку не станут. И тогда не видать нам возможности пробраться к технической лестнице, ведущей на крышу бизнес-центра.

Ничего, ребята потерпят. Знают, что без меня не могут, вот и бесятся. На мне техника: маленький дрон и три экшен-камеры, которые ещё нужно успеть раздать. Для нас, руферов, проникновения на крыши – прежде всего развлечение, поиск новых ощущений. И всё же жалко совершать такие подвиги, не засняв это дело. Последний ролик собрал сто тысяч просмотров, и останавливаться на этой цифре как-то не хочется. В приоритете у нас, конечно, высотные здания, но манят и другие охраняемые территории, особенно в центре города.

Невский проспект кишел людьми, и я с трудом пробился сквозь их ряды, чтобы поехать дальше. Опаздывал я жёстко, и моя злость выплёскивалась на прохожих. Одни идут медленно, выстроившись в ряд на всю улицу, другие беспорядочно виляют. Я представлял, как стреляю из глаз лазерами, выжигая им спины. Но к пешеходам привыкаешь. А вот другие ездуны...

Вообще, правду говорят: люди на электросамокатах имеют такой вид, словно ведут кавалерию в битву при Ватерлоо. Ну или крутят штурвал корабля в Трафальгарском сражении – но уж никак не едут по центру Питера. Впрочем, я от них отличался только тем, что катил в противоположную сторону, но всё-таки они меня бесили. Ни в коем случае не считаю себя самым умным, но неужели банального правила «объезжай по правой стороне» у них даже в мыслях нет?

Размышляя об электросамокатчиках, я как-то упустил из виду доставщика еды, который ехал на велосипеде мне навстречу. Ох, зря я пожалел на него лазерных лучей из глаз...

Я как раз объезжал очередных пешеходов и потому оказался посередине улицы, прямо напротив приближающегося курьера. Ухожу вправо – и он сворачивает ко мне. Ухожу ещё правее – и он неуверенно повторяет манёвр одновременно со мной. В последний момент жму на тормоз...

Дальше всё произошло за доли секунды. Я готовился к худшему, но вроде бы пронесло: как встал, так и стою с самокатом на месте – тело лишь слегка мотнуло вперёд. Курьеру повезло меньше. Распластавшись на земле, он вынужден был выслушивать от меня поток мата и параллельно пытался подняться. Только вот гигантский рюкзак и вывернутый руль мешали ему это сделать.

– Ты цел вообще? – спросил я, поуспокоившись.

– Я-то да, – протянул он. – А вот еда...

Но я уже не слушал. До здания оставалось метров сто. Пусть сам со своей едой разбирается, а лучше – научится ездить. Будто с другой планеты свалился!

Но не успел я набрать скорость, как за спиной послышался странный, душераздирающий крик. Чёрт, неужели он всё-таки что-то сломал и понял об этом только сейчас? Крик не утихал – напротив, он звучал как-то неестественно, переходил в неприятный визг.

Я обернулся: курьер так и лежал, не в силах подняться. Да что ж за день такой! Нехотя развернулся, возвращаясь к месту ДТП. Даже если этот чудик что-то себе сломал, своей вины я не вижу – камеры на перекрёстках всё подтвердят. Но по-человечески помочь всё-таки надо, тем более он орёт на всю улицу.

Лучше бы я этого не делал... Подобравшись ближе, я увидел, как визжащий курьер неистово царапает собственную голову, словно хочет содрать с себя кожу. Тело его дёргалось в конвульсиях, а визг... Это был уже не визг, а ультразвук какой-то. Не слишком громкий, но абсолютно нечеловеческий.

Затем он и вовсе яростно дёрнул себя за волосы, да так сильно...

Так сильно, что кожа начала «сползать» с лица – тут же стала какой-то ненастоящей, словно резиновой. Я подумал было, что мне мерещится. Даже недоверчиво заморгал, наклоняясь ближе. Нет, курьер и в самом деле стаскивал голову-маску. Под ней взору открывалась зелёная нечеловеческая голова, от которой исходил едва заметный дым.

– Что за бред? – спросил я вслух, охреневая от увиденного. У него под маской ещё одна маска? Больше похоже на его настоящую кожу – только зачем-то покрашенную в зелёный цвет.

Курьер перестал издавать звуки, замер, будто испустил последний вдох. Верхняя часть головы всё ещё оставалась в не до конца стянутой человеческой коже, а вот нижняя... Она явно чем-то отличалась от того, какой должна быть голова у человека. Не успел я толком осмыслить происходящее, как прямо напротив резко затормозила чёрная «тойота». Дверь раскрылась, за ней показался отец на пассажирском сиденье спереди.

– Артём, живо сюда! – заорал он. – Назад запрыгивай.

Я несколько раз перевёл взгляд с «курьера» на отца и обратно. К чёрту! Не выдержал и, бросив самокат, побежал к авто.

– Ты как здесь?.. – спросил я, не успевая сформулировать вопрос. – В меня курьер врезался, видел?

– Назад садись, – нетерпеливо повторил отец.

Что ж. Дело, похоже, срочное. Залез внутрь, закрыл дверь. Ровно в этот момент тело курьера взорвалось, испуская зеленоватый дым. Одежда и велосипед остались на месте, а тела – словно и не было. Ни следов крови, ни брызг. Да что же за безумие творится... Пранк какой-то, что ли?

Машина рванула с места, и только сейчас я посмотрел на водителя – это был, судя по всему, очередной незнакомый мне коллега отца.

– Вы это видели?! – не унимался я. – Он...

Мысли о курьере ушли на второй план, когда прямо на дорогу выбежали двое мужчин. Ничем не примечательные тёмные куртки, джинсы. Они явно пытались остановить нас, то есть машину. У одного в руках я увидел пистолет.

Водитель только подбавил газу, и «тойота» в один миг подбросила тела на лобовое стекло, после чего отправила их дальше. Я оглянулся, но задний обзор

оказался полностью закрыт некими металлическими контейнерами, которыми до отказа был забит багажник.

Мозг взрывался от бесконечных вопросов. Это какие-то бандиты? Куда мы едем и почему так торопимся? Кто был тот курьер и куда он делся?

Словно предваряя эти и другие вопросы, отец заговорил первым:

– Артём, ничего не спрашивай, всё равно не отвечу. Дай мне свой паспорт и телефон. И пристегнись.

В этот день вообще всё пошло не так с самого утра. Сперва задержал отец – сказал, что ему позвонил коллега с работы по какому-то срочному делу, и потому мне пришлось помогать разгружать машину в гараже, забитую мешками со всяким старьём. Не с хламом же на задних сиденьях ему ехать. С каким таким важным делом обратились к отцу, вышедшему полгода назад на пенсию, лично я так и не понял – пусть он и проработал безопасником на фабрике швейной фурнитуры. И почему, как назло, именно сегодня, когда у нашей братии запланирована очередная вылазка?..

Потом приложение самоката что-то поняло не так, и вместо спорт-режима у меня активировался стандартный. Пришлось тащиться на скорости двадцать километров в час вместо привычных двадцати пяти. В давке, конечно, разница уже не столь ощутима – то и дело приходилось поворачивать или тормозить – а вот путь от дома до Невского занял больше времени, чем я планировал. Надо было на метро...

Мама считает, что моё увлечение руферством – из-за того, что в детстве я сильно ударился головой о качели. Старшая сестра того же мнения. Отец относится более снисходительно: говорит, что через год-другой возьмусь за ум – до ЕГЭ уже рукой махнуть. Наша компания не из тех, кто жаждет драк с охраной и дерзких побегов, – предпочитаем руферить быстро и по возможности мирно. Хотя и неприятности тоже случаются, так что действовать нужно всегда слаженно. А теперь о вылазке можно забыть...

– Мне обязательно с вами куда-то ехать? – спросил я, немного придя в себя. – Меня вообще-то ждали. То есть ждут!

Ответа не последовало. Одно я знал точно: происходило что-то очень нехорошее. Такое, чего я и близко не мог понять. Отец не стал бы меня забирать только ради того, чтобы не допустить очередную вылазку, – на эту тему мы уже давно всё обговорили. Тут явно замешано что-то гораздо большее, угрожающее нашей жизни. А потому я глубоко вздохнул, достал паспорт и передал его отцу. Телефон уже с минуту вибрировал – отклонил вызов, отписал короткое: «У меня какая-то жесь. Без меня», после чего отдал вслед за паспортом. И зачем это вообще...

– Минута до Ризомы, – проговорил водитель, продолжая набирать скорость.

Что это значило, я, разумеется, в очередной раз не понял.

– До Лиговского дотяни, – ответил отец. – Раньше не успеем.

Когда мы с друзьями проникали на крыши высоких зданий, то ловили тот самый адреналин, который превращается в зависимость. Сейчас адреналин бурлил как никогда – но привычного чувства кайфа не было и близко. Потому что я не привык не знать обстоятельств происходящего. Бегства от охранников и лёгкие потасовки перестали быть чем-то непредсказуемым, и, даже попав в полицейский спецприёмник, ты всегда знаешь, что отделаешься штрафом в пять-десять тысяч, который выпишут родителям. Словом, в мыслях всегда есть примерное понимание того, что будет дальше. А сейчас – нет.

Перед пешеходным переходом загорелся красный, на дорогу хлынула толпа. Водитель немного снизил скорость, намереваясь просочиться меж пешеходов. На лобовом стекле вдруг появилась снежинка мелких трещин, затем ещё одна. Лишь после этого я увидел остановившегося на зебре стрелка – мужчину лет сорока абсолютно непримечательной внешности. Стёкла на машине, судя по всему, стояли бронированные, но я невольно пригнулся. На секунду водитель вдарил по тормозам, но лишь для того, чтобы в следующий миг снести стрелка корпусом.

Что за чушь происходит?! Стрельба в центре Петербурга – и по нам. Время от времени окна продолжали вспыхивать трещинами от пуль, а на следующем перекрёстке и вовсе кто-то намеренно в нас въехал, стараясь остановить. Всё происходило в таком бешеном ритме, что я словно впал в транс. Попытался сопоставить факты и не на шутку задумался: а не сон ли это? Ну или следствие

столкновения с курьером – вдруг голову повредил?

Больше всего меня удивляло, что во всём этом оказался замешан отец. Работа у него была тяжёлая и отчасти даже секретная. Дома мы привыкли говорить, что он глава безопасности пуговичной фабрики, потому что когда-то она и правда была пуговичной. И даже если это как-то связано с его бывшей должностью, то... Нет, не понимаю.

– Ходу, – отчеканил он и что-то нажал у себя на часах.

Словно ответом на мои мысли машина покрылась чем-то, напоминающим гигантскую полупрозрачную паутину. А затем и весь мир – дома, машины, небо – стал стеклянным. Цвета исчезли.

Вспышка.

Тьма.

Машину тряхнуло так, что ремень безопасности был готов сломать мне грудную клетку. Авария?

Нет, автомобиль был вроде бы цел. Темнота развеялась лишь немного, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: это место не имеет ничего общего ни с Лиговским проспектом, ни со всем Петербургом.

В свете фар я заметил силуэты, напоминающие кусты и деревья, только почему-то угольно-чёрные. Ехали мы медленно: «тойоту» изрядно качало – ни намёка на асфальт. Машина тяжело переваливалась, выбираясь из одной ямы и перекатываясь в следующую. Из освещения – только луна на небе. Какая-то она... больше обычного.

– Артём, – отец повернулся ко мне. – Возьми.

Он вручил мне механические часы без ремешка – старые, похоже, ещё советские, которые нужно вручную заводить.

– Первое, – продолжал он, неотрывно глядя мне в глаза. – Не теряй их. Потом поймёшь, почему это важно. Второе. Я никогда не работал на пуговичной фабрике. И никогда не был главой безопасности. Но я делал всё, чтобы мы жили в спокойствии.

– Пап, так не пойдёт. Ты же знаешь, меня твои загадки не устроят. Говори нормально. Мы где?

– В Ризоме. Междумирье. Так понятнее стало? – нервно ответил он. Ненадолго затих, выдохнул, потом продолжил: – Уверен, однажды ты всё это утрясёшь и поймёшь. А сейчас – просто прими как данность. Жить как прежде уже не получится. Ведь в тебе течёт сила. Не забудь её.

Что... вообще... происходит?..

– Всё как ты и говорил, – вмешался водитель, выключая фары. – Они решились-таки отловить нас. Сейчас бандуру свою запускать начнут. Не передумал?

– Нечего тут думать, – буркнул отец. – Ты, главное, сделай своё дело.

Вдалеке замелькал свет – не то фонари, не то вспышки. Метрах в ста от нас явно происходили какие-то телодвижения. Причём, по ощущениям, там находилось не два и не три человека – намного больше. Водитель свернул так, чтобы машина смотрела прямо на силуэты людей, и остановился.

– Ну, не поминай лихом, – сказал ему отец. – Выходим. Артём, рюкзак свой оставляй.

Здесьние виды на миг выбили из головы всё остальное. Куда хватало глаз, со всех сторон виднелись остовы не то разрушенных домов, не то каких-то несуразных конструкций. Из звуков – только заунывный ветер, который дул словно сразу во все стороны. Уши слегка закладывало. Запахов... запахов не было, если не считать привкус пыли.

Из состояния задумчивости меня выбил звук зарывавшего двигателя. Обернулся: машина резво удалялась, рядом остался стоять лишь наш водитель. Значит, за руль пересел отец – и сейчас он гнал бронированную «тойоту» прямо на...

– Ты что стоишь?! – заорал я на застывшего неподалёку водителя. – Сделай что-нибудь!

Я хотел ещё что-то закричать, побежать вслед. Остановить происходящее. Но вместо этого смотрел, как машина с выключенными фарами мчится в сторону неизвестных. Как раздаётся взрыв. И как вслед за этим взрывом следует другой – гораздо более мощный. Настолько, что ударная волна вот-вот дойдёт до меня.

За миг до этого меня пронзает нечто едва ощутимое. Тёмный сгусток, заставляющий неметь руки и ноги.

Вспышка, темнота, свет.

Я снова в Питере. По крайней мере, это похоже на Лиговский проспект. Только почему здесь так много рекламных вывесок? И какие-то допотопные светофоры... И когда здесь успели установить аллеи деревьев?.. И что за старые «Волги» на дороге? Стоп, а откуда тут такие трамваи-то?!

Глава 2

Оцепенение. Не знаю, сколько оно длилось: пять минут – или все тридцать? Только что на моих глазах погиб отец, только что я побывал в необъяснимом месте, похожем на галлюциногенный сон. И тем не менее эмоций не было – я стоял будто под наркозом, так и сжимая в руке старинные часы. Просто разглядывал незнакомый мне Лиговский проспект, который преобразился во что-то очень странное.

Вот, например, большая вывеска: «Смольнинский хлебозавод. Поставщик двора Его Императорского Величества». Давно ли он тут? Помнится, месяц назад мы с ребятами забирались на крышу этого здания, и всё было другим. А уж телефонная будка, автобусная остановка и терминал с надписью «Лимонад» смотрелись крайне нелепо.

Незнакомых, выбивающих из колеи деталей было так много, что я даже предположил, не снимают ли тут какой фильм. Но кто бы стал перекраивать

дорогу ради посадки деревьев, которые бесконечно тянулись в обе стороны по Лиговскому? И если винтажная вывеска «Булочная» на соседнем доме смотрелась по-своему стильно, то «Обмен валюты», скорее, вызывал недоумение.

Так, стоп! В происходящее сегодня мозг всё ещё отказывался верить, но сколько можно гадать? Недалеко от остановки стоял киоск с надписью «Пепси-Кола» – туда я и направился.

– Перерыв, – опередила меня грузная женщина в синем фартуке, доставая из кармана пачку «Бонда».

– Не подскажете, какое сегодня число? – с ходу спросил я.

– Шестнадцатое, – безразлично бросила она, делая затяжку.

– Июня?

– Ну да.

Помолчав, уточнил:

– А год?

– Издеваешься? Двадцать второй, – хмыкнула продавщица.

Всё сходится. Значит, безумная мысль о перемещении в прошлое отбрасывается. Уже хорошо.

– А давно тут трамваи ходят? – спросил я.

На самом деле я хотел сказать – такиетрамваи. Вопрос был больше формальный: здесь вся улица создавала ощущение восьмидесятых или девяностых. Я просто ждал объяснения.

– Ты как с луны свалился. – Она окинула меня хмурым оценивающим взглядом, брезгливо задержалась на одежде. – Из Сибири, что ли? Ещё при дедушке нынешнего Императора начали ходить.

Ответ меня порядком удивил, но я не стал развивать тему. Надо срочно домой.

– А позвонить у вас можно?

Продавщица лишь молча мотнула головой в сторону телефонной будки.

– Я про мобильный телефон. Свой потерял, а мне срочно нужно.

– Слушай, я с тебя поражаюсь. Я на дворянку похожа, чтобы личный сотовый иметь? – усмехнулась она и хотела сказать что-то ещё, но не успела.

В считанных сантиметрах от моего плеча что-то стремительно пролетело, и в следующую секунду женщина рухнула на асфальт. Никаких пулевых ранений на ней не было, а вот странная зеленоватая пульсация прошла всё её тело, точно электрический ток.

Состояние ступора, в котором я пребывал всё это время, разом исчезло. Подобно удару стрелы пришло чёткое осознание: мой отец погиб, бросая вызов каким-то неизвестным. И несмотря на это сейчас нечто продолжает мне угрожать.

Стреляли метров с двадцати. Это были трое мужчин в чёрных длинных пальто с большими блестящими пуговицами и высокими воротниками. Одеты явно не по погоде: если утром, когда я ехал на вылазку, ещё было прохладно, то сейчас пекло градусов на тридцать. Неизвестные стояли на середине дороги, в руках одного из них лежал пистолет, причём довольно странной формы. Сил удивляться у меня уже словно и не осталось, а вот среагировать – да.

Следующий выстрел пришёлся на сам киоск, пока я машинально отскакивал в сторону. На дороге засигналила «буханка», водитель которой едва успел затормозить перед моими преследователями. В ответ огонь открыли и по нему.

Я уже бежал прочь, а в голове мелькнула мысль: могли ведь незаметно подойти ближе и не промахнуться, но почему-то атаковали издали. Словно боялись, что я

вот-вот исчезну. Оборачиваться назад не стал, но чувствовал, что люди в пальто просто так не отстанут.

Хотел свернуть в ближайшую арку, но та оказалась перекрыта решёткой. Миновал остановку, обежал женщину с импровизированным прилавком – она что-то продавала. Следующий выстрел вдребезги разбил стекло таксофона в шаге от меня.

Впереди показались ещё двое мужчин в аналогичных длинных пальто – на сей раз я чётко видел, что они появились из ниоткуда одновременно. Остальных прохожих это явно удивило не меньше моего. От новых выстрелов спасло то, что следующая арка вдоль Лиговского была открытой, – туда я и свернул.

Руферская привычка оценивать здания и крыши с точки зрения возможности на них забраться сейчас мало чем могла помочь. Да, я выбежал во двор-колодец и сперва было подумал юркнуть в один из подъездов. Но что если люк на крышу будет закрыт на замок? Путей к отступлению не останется. А жаль: вот уж в чём в чём, а в крышах я знал толк, по ним можно двинуть далеко и быстро – не догонят.

Во дворе толпилась длинная очередь к грузовику с цистерной, на которой было написано: «Молоко». Проскочил прямо через очередь, за что отхватил отборной ругани от старушек, и побежал через ухоженные клумбы цветов в следующий двор, из-за чего, похоже, окончательно стал для местных врагом народа. Запнулся об импровизированный заборчик в виде вкопанных в землю автомобильных покрышек, распластался во всю длину. Отцовские часы выпали из руки, но я тут же поднял их. Запрыгнул на высокую покрышку от трактора – и побежал дальше по аналогичным ему, наполовину вкопанным в землю. Покрышки не проминались под моим весом, зато бег по ним позволял в любой момент сделать выбор: спрыгнуть направо или налево. Я не знал, чем закончится двор, а в тупике оказаться никак нельзя.

Преследователи бежали медленнее, но я ждал подвоха: сам видел, как они появлялись из ниоткуда! Останавливаться не вариант, что остаётся? Затеряться в толпе? Найти полицию?

Через минуту я сиганул в арку, которая вела на Коломенскую. Звук, подобный тому, что разносится от люминесцентной лампы, означал, что по мне всё ещё

стреляют. И всё ещё промахиваются – в этот раз выстрел пришёлся в малиновую «восьмёрку», стоявшую прямо на выходе из арки. Та покачнулась. Из неё резво вылезли мужчины в кожаных куртках: один плотный и лысый, другой худой и высокий. Похоже, они подумали, что нападают на них. Я тем временем надеялся успеть в отъезжающий автобус, напоминавший советский ЛиАЗ, но тот уже тронулся. Сзади на него запрыгнули двое мальчишек лет десяти, держась за выступающие конструкции.

Перебежал дорогу, за спиной послышались пистолетные выстрелы. Когда я обернулся, мужики в кожанках валялись рядом с «восьмёркой», а двое преследователей уже перебежали дорогу, на ходу целясь в меня. Остальные, видимо, задержались с «братками», а то и вовсе отхватили от них пару пуль.

Бежать вдоль проспекта – рискованно. Народу немного, к тому же одежда у прохожих, мягко говоря, отличается от моей. Слишком я заметен. Да и неприятно бежать, в любой момент ожидая выстрела в спину, – к тому же выстрела какого-то непростого. Если они не убивают, то как минимум усыпляют или нейтрализуют, а это мало чем лучше огнестрела: неизвестно, где я потом проснусь и долго ли проживу.

В общем, я без колебания двинулся в попавшийся на глаза магазин одежды. Толкнул тугую дверь, затем ещё одну. Чутье не подвело: магазин был просторный – ряды курток, брюк, маек и свитеров с орнаментами тянулись на десятки метров. В глаза бросилась надпись «Легинсы» на витрине с аляповато цветными лосинами – боже мой, неужели в таких кто-то ходит? Джинсовые куртки и жилетки облепляли стены и, казалось, никогда не кончатся. Особенно удивила стойка, от начала до конца увешанная мужскими малиновыми пиджаками. Что такое кондиционеры, в магазине, видимо, не знали – спасали только вертящиеся вентиляторы.

Когда в помещение вошли люди в пальто, я уже затаился среди женских курток и плащей. Если бы не остановился тут, а побежал дальше между рядами вешалок, то меня бы легко заметили, а мне это ни к чему. Впрочем, играть в прятки тоже не хотелось. Меня преследовали явно какие-то могущественные люди – и что им помешает встряхнуть магазин вверх дном?

Я просто ждал момента, чтобы рвануть в подсобное помещение, а уж оттуда наверняка найдётся или выход на улицу, или лестница на верхние этажи здания.

– Добрый день! – послышался голос у входа. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

Похоже, моё быстрое проникновение в магазин продавец не заметил, а вот преследователей встречал подобающе. Ещё бы: их роскошные пальто были не от мира сего – небось, принял их за богатых иностранцев. Слишком уж чистые и солидные. А громадные отливающие серебром пуговицы и высокие отогнутые воротники делали костюмы похожими на сюртуки или фраки. Я не силен в терминологии старинных предметов гардероба, но кое-какое представление имею: как ни странно, отец не раз рассказывал о производстве одежды. Тем удивительнее было сегодня слышать, что он якобы никогда там не работал...

Я сидел между стоек, окружённый женскими одеяниями. В голову пришла безумная, но кажущаяся абсолютно правильной идея: сунуть часы в карман одной из курток. Один раз я их уже выронил – и хорошо, что не на асфальт, а то и разбить можно. Если встреча с отцом не была сном или глюком, то эта вещь, по его словам, очень важная. Нутром чуял: я в шаге от смерти (или что там со мной хотят сделать таинственные преследователи?). Выживу – вернусь за часами. Не выживу – пусть они хотя бы не достанутся... этим «гражданам».

К слову, голова начала работать лучше. Пытаться найти оправдание тому, как всё преобразилось, мне чертовски надоело – надо признать, что я нахожусь в каком-то странном – и старом – Петербурге. И при этом якобы в 2022 году. Может, конечно, это всё ещё какой-то очень масштабный розыгрыш или стечение обстоятельств, но сейчас имеем, что имеем. Глупо отнекиваться от того, что нынешний мир не похож на тот, в котором жил я.

Часы юркнули в глубокий карман женской красной куртки – я постарался её запомнить. Едва ли в ближайшее время её купят: ассортимент в магазине огромный, много одинаковых моделей.

Донёсся электрический звук, за ним глухой грохот. Очень похоже на то, что это подбитый продавец рухнул на пол. Преследователи рассредоточились по магазину, их шаги раздавались довольно громко. Надо бежать, понимал я. Давно пора. И в то же время брал жуткий интерес: о чём они станут меж собой говорить? Ну не могут же эти типы действовать всё время молча – кто-то должен руководить, выбирать, куда они двинутся.

Выждал момент, когда шаги почти затихли. Лёг на пол и осторожно перекатился от одной стойки с одеждой к соседней. Перелез через нижнюю перекладину, задевая спиной низы курток. Со следующей стойкой такое не прокатит: там висят короткие джинсовые шорты и мини-юбки. Настолько короткие, что, возможно, корректнее назвать их трусами. На полу я буду хорошо просматриваться. Зато до двери в подсобку – совсем ничего!

Тело пылало в нетерпении. Последний рывок – и бежать, бежать, бежать! А вдруг за дверь тупик? Нет права на ошибку. Низ живота жгло и тянуло, как бывает при сильной тревоге и панике. Дыхание участилось, пульс отдавался в ушах. Видел я мало: прилавки и ряды вешалок закрывали нижний обзор. Но зато слышал. И мог сказать, когда шаги приближаются, а когда удаляются.

Сейчас!

В полуприседе я рванул вперёд. Путь был свободен. А когда заскрипели двери главного входа, ускорился: нельзя упускать такой шанс. Дверь в подсобку даже не пришлось отпирать: она была приоткрыта. Лишь осторожно задвинув её за собой, я встал в полный рост. Короткий коридор – а дальше выход на улицу!

Именно в этот момент сзади в подсобку вошёл человек-пальто...

Я громко выругался. Только появился проблеск света – как всё по-новому! В сердцах хлопнул дверь и побежал. Это был очередной внутренний двор, на сей раз нежилой: у одного дома разгружали стеклянную тару – очень похоже на бутылки водки. Туда-то я и устремился.

Несколько секунд – и вот я уже в кафетерии, набитом людьми. Выбежал аккуратно к кассе и, откинув вверх дверцу-перекладину, отделяющую витрины от посетителей, двинул к выходу. Оказалось, вход в кафетерий был не со стороны главной дороги, а сбоку здания. Прямо напротив – ещё одна дверь, тоже какого-то магазина или склада, но явно не парадная, для персонала. Сил разбираться уже не было – я просто ринулся туда. Очутился в очередном коридоре, на сей раз более длинном, миновал пару поворотов и выбежал во двор-закуток. Высокий забор по периметру, гаражи, большие решётчатые двери, преграждающие въезд-выезд, и... Ещё одни двери – явно выведут в очередной магазин или какой-то работающий объект.

Не раздумывая вбежал внутрь. Помещение было обставлено кучей деревянных ящиков. За широкими лавками сидело несколько мужчин – в основном в кожанках или старомодных спортивных олимпийках. Увидев меня, задыхавшегося от долгого бега, – а на такой жаре с меня ещё и обильно лился пот – они встrepенулись. Оперативно поднялись, один даже сунул руку на пояс, где я увидел пистолетную кобуру.

Хм.

– Извиняюсь, что вбежал, – отдышавшись, сказал я. – За мной какие-то люди гнались. С оружием. Я пройду через вас на улицу.

– Не пройдёшь, – задумчиво мотнул головой налысо обритый здоровяк и двинулся ко мне. – Гнались за тобой, говоришь?

Я инстинктивно сделал шаг назад: вид у мужиков был недобрый, очень уж неоднозначно они друг с другом переглядывались. Мне знаком этот взгляд. Взгляд уверенных в себе чоповцев, которые будут ловить наверняка.

Дверь – в шаге от меня. Но давать о себе знать людям в пальто очень не хотелось. Возможно, именно теперь, впервые за весь последний час, они полностью потеряли меня из виду. Может, до сих пор ищут в толпе кафетерия или разгуливают возле него. Открою дверь – и всё, я себя выдам.

– Он наш? – подозрительно спросил лысый у остальных.

– Не припомню, – ответил другой, тоже приближаясь. – Но лучше проверить.

Мне хватило секунды, чтобы всё понять. Что-то тут у мужиков нечисто, но есть ли у меня выбор? Главное, что улизнул от людей в пальто. Я уже сделал рывок вперёд, намереваясь проскользнуть мимо них в помещение. И почему-то даже не удивился, когда бугай заехал кулаком мне в лицо.

Опять тьма... Да сколько можно!

Глава 3

– Он живой вообще? Заканало ждать, когда выпится.

– Живой, живой. Евгенича позвали?

– Едет с Васьки. Шестёрка ореховских просвечивал. Скоро будет, короче.

Я чувствовал, что недавно кто-то облил меня ледяной водой, с волос до сих пор текло. Но самого момента обливания не помню, очнулся уже после. Приглушённо слышал разговоры. Сперва они казались частью сна, теперь же я начинал что-то понимать.

Сетчатый металлический стул. Одинокая лампочка, свисающая с потолка. Голые стены. Старый обшарпанный деревянный стол. И трое мужиков – двоих из них я встретил при входе, третий на вид более смыслённый. Свитер с надписью «Boys» даже мог бы придать ему вид интеллигента, но нет: взгляд хмурый и цепкий, чуть ниже уха – длинный шрам.

Меня даже не стали связывать. Не приковали к стулу, хотя тот сам по себе был жёстко вмонтирован в пол. Одного вида бугаёв было достаточно, чтобы понять очевидное: против них я не выстою даже с ножом, если вдруг решусь. Двое стояли, а тот, что со шрамом, сидел за столом.

– Зашевелился, – констатировал лысый, усердно жуя жвачку.

На столе стояла камера, направленная на меня. Большая, вытянутая, с длинным «глазком», подобным телескопу. Камеру включили: спереди горел красный огонек. По всем параметрам происходящее походило на допрос, но только ни разу не полицейский.

Голова раскалывалась, и уже было решительно непонятно, от чего конкретно – от того, что меня вырубили куда-то в висок, или от общего переутомления всех последних часов.

– Имя, фамилия, отчество.

Мужчина со шрамом произнёс это тоном, полным пренебрежения и нетерпения. Будучи руфером, я имел большой опыт общения с охранниками, чоповцами и полицейскими. И едва ли мог вспомнить кого-то из них, кто говорил бы так жёстко и властно. Этот же не испытывал ко мне ни доли сочувствия, что было видно сразу.

– Думский Артём Николаевич, – честно ответил я.

– Думский... – задумчиво повторил он, поворачиваясь к своим, и скомандовал: – Фамилию сверь по архиву.

Один из бугаёв покинул комнату.

– Как сюда попал? – вернулся к допросу главный.

– Говорил уже. За мной гнались. Стреляли. Забежал попросить помощи.

– Из-за чего гнались?

– Не знаю. Просто появились из ниоткуда и стали стрелять.

– Где появились?

– На Лиговском. У этого... хлебозавода. И потом пару раз, пока я бежал, тоже по пути появлялись.

– Если стреляли, это другие должны были видеть. Видел кто?

– Конечно. Да всю дорогу, что я бежал, почти всегда кто-то из прохожих видел. А ещё стреляли по водителю на дороге. И ещё с одними в перестрелку вступили. На Коломенской вроде.

– Ты под кислотой был?

Очередной вопрос показался слишком уж неожиданным, выбивающим из колеи. Возможно, в этом и состоял замысел. В общем-то я изначально понимал, что в

рассказанную мной историю не то что поверить сложно – мне и самому-то её не переварить. Но свидетелей же куча!

– Нет.

– До хлебозавода откуда и куда шёл?

– Да никуда я... Отец меня в машине вёз. Не знаю, что-то странное было... Потом уже на Лиговском оказался. Без отца. Только домой и хотел.

– Пятая графа?

– Что? – не понял я.

– Пятая графа, – повторил он. – Национальность.

– Русский.

– Живёшь где?

Я назвал адрес. Заодно уточнил, что проживаю с матерью, отцом и младшим братом. Про старшую сестру не стал говорить, она отдельно живёт. Бугаи и так выглядели как настоящие бандиты – не хватало ещё разбрасываться личными данными.

Другое дело, что мне уже и самому верилось с трудом, что мой дом и моя родня – здесь. Что-то с этим миром не так.

– Шрам, всё чисто. – В помещение вернулся ушедший ранее бугай. – Ни среди одарённых, ни среди талантов не видать. Шваль только всякая, по мелочи.

– По Москве искал? – спросил в ответ человек со шрамом, то есть Шрам. – По провинциям?

– Ищут, – отмахнулся тот. – Но вряд ли что-то найдут. Зато наши с района только что подвалили.

Шрам тут же встал и ушёл, прихватив с собой того, который отчитывался. Остался единственный – тот самый лысый, что меня уложил. Тварь здоровая. Сейчас он стоял, подобно охраннику: ноги на ширине плеч, руки сжаты в замок за спиной. Взгляд пустоватый, но как будто довольный. Да, вероятно, он очень собой доволен. Такого опасного преступника обезвредил.

– Мне нужно позвонить, – сказал я. – Меня искать будут.

– Ты и так ищут, – усмехнулся лысый, не переставая жевать жвачку. – Ты ж у нас прятаться решил. Ну вот сиди теперь и прячься, чё.

Двое вернулись. Шрам сел за стол и продолжил:

– Я, конечно, сразу понял, что ты гонишь. – Он сказал это с печальным вздохом. – Но чтобы назвать несуществующий адрес – это надо постараться. За последние часы поблизости ментов не появлялось – ни вызовов, ни слухов от местных.

М-да, происходящее не поддавалось никакому объяснению. Если люди-пальто мне почудились, то перестрелки – вряд ли. Но что-либо доказывать этим браткам у меня желания не было.

– В таком случае я вам тем более не нужен. Или вы мне угрожать пытаетесь?

– Я об тебя даже пачкаться не буду, – спокойно ответил Шрам. – Скоро приедет одарённый и вытрясет из тебя всю правду. Это твой последний шанс рассказать всё как есть. Или сделаем вид, что тебе память отшибло.

– Значит, память отшибло, – пожал плечами я.

– Слышь, подкидыш, – спросил тут лысый. – А ты откуда такой ряженный? Одежду где стырил такую? Чё за джинсы беспонтовые – женские, что ли?

Ну да, ну да. О джинсах-джоггерах, удобных для диггеров и руферов, к тому же серого цвета, здесь ещё не знают. Не в моде.

– И водолазок таких чёт ни разу не видели.

В самом деле, не объяснять же мне им значение слова «свитшот» – в этом мире его ещё не придумали. Впрочем, чисто формально он выделялся только хитроумным дизайном – космонавтом, рассыпающимся на мелкие частички. А уж на найковские «эйр джорданы» они и вовсе пялились с неподдельным интересом, хотя сами предпочитали белые однотипные кроссовки неизвестной фирмы. Если вдуматься, не так уж сильно отличавшиеся от моих.

– А вот про это не расскажешь? – Шрам взял со стола мой фитнес-браслет.

Значит, пока я был в отключке, меня уже успели обыскать. Ну конечно! Ни документов, ни айфона при мне не было – отец словно заранее пытался отгородить меня... от чего-то подобного. А вот про часы забыл.

– Фитнес-часы, – ответил я.

– Чё? – Лысый рассмеялся. – Какой на хер фитнес? Ты проясни, как они так от нажатия светятся?

Шрам тем временем надавил пальцем на экран – по привычке сильно, как жмут на кнопки.

– Не знаю, – ответил я. – Украл их.

– У кого украл?

– Не помню.

Какое-то время они говорили меж собой. Не слишком громко, но мне почему-то стало безразлично, что они думают обо мне. Отвечать на вопросы про одежду и место проживания – значит только сильнее всё запутать. Пусть уже думают что хотят, лишь бы поскорее выпустили.

В разговоре промелькнула фраза:

– Думаешь, сибирский? – тихо протянул лысый, обращаясь к главному.

Да что ж такое! Второй раз за день меня пытаются причислить к Сибири.

– Или засланный, – после паузы ответил Шрам. – Тогда сразу убирать надо.

– Кого ты убирать собрался, умник? – не выдержал я. – Дерьмо с лица сперва убери и эту убогую надпись с маминого свитера – да послушай. Мне от вас ничего не нужно было. Ни красть, ни шпионить я не собирался. Никто не засылал меня, я вообще не в курсе, какой хренью вы тут страдаете. Я продиктую номер отца, ты позвони. Сам всё узнаешь. Ну а если нет... что ж, значит, и правда я умом тронулся. И тогда тем более вам не нужен.

Да, шансов мало: я лично видел, как машина с отцом озарялась гигантским разноцветным пламенем. И всё же... Вдруг. Вдруг они позвонят, он возьмет трубку. Ну не должно оно вот так всё быть. А даже если «так» – звонок мог бы всё прояснить. Для меня самого, не для них.

– Чтобы нас по местоположению пробили? – не выдержал лысый, начиная закипать. – Ты, подкидыш, на что надеешься вообще? На быструю смерть или чё?

Шрам остановил его взглядом. Ко мне он не питал никакой симпатии и на сказанное явно порывался ответить, но держал себя в руках, на провокацию не вёлся. Достал блокнот и карандаш.

– Диктуй номер.

Я продиктовал. Помнил по памяти.

– Драсте! – Дверь вдруг с грохотом открылась, ударившись ручкой в стену. В проходе стоял низкорослый мужчина в светло-коричневом пиджаке. На вид ему было лет сорок. А может, и меньше, но глубокие залысины, пышные усы и квадратные очки добавляли лишних лет. – Что там у вас нарисовалось сегодня?

Все пожали ему руку, и, как выяснилось, это и был тот самый Евгенич.

– Крайне мутный, – начал рассказывать ему Шрам. – Назвал несуществующий адрес, паспорта нет, зато вот такое устройство на руке носил, – он взял фитнес-браслет. – Время показывает, но не только, отдадим спецам на изучение... Лепит байки о том, как за ним чуть ли не охоту по всему району вели, да только никто ничего не видел и не слышал. Надо понять, не засланный ли от кого. Или думал,

что прокрадется на склад незаметно, а тут Генка с ребятами его хлопнули. Или приход словил, и тогда всё проще. Ну и прежде всего – не одарённый ли или талант какой. Это, разумеется, больше всего волнует.

– Понял-принял, – бодро ответил Евгенич и миловидно улыбнулся. – Я тогда начну, чтобы время не терять.

Со мной здороваться Евгенич не стал, лишь внимательно осмотрел меня на расстоянии в пару метров, как интересный экспонат в Эрмитаже. Или, скорее, в кунсткамере?

– Не, – махнул он спустя минуты полторы. – Полный ноль. Ни малейшего следа дара.

– Отлично, – ответил Шрам. – Теперь остальное давай.

– На вопросики ответим? – улыбнулся Евгенич, присаживаясь на табуретку передо мной.

Я промолчал. Заново рассказывать, как за мной гнались люди в чёрном... то есть люди в пальто... Которые стреляли какими-то энергетическими зарядами. И появлялись из воздуха... Можно, но бесполезно. Я хотел побыстрее отсюда свалить, а потому стало ясно, что отвечать надо то, что больше всего их устроит.

Спустя минуту я понял, что Евгенич так и не задал ни одного вопроса. Он чесал затылок, нервно снимал и надевал очки. Взгляд у него был растерянный и в то же время сосредоточенный, он словно не мог решить какой-то ребус.

– Зацени, чё вчера на «Апрашке» отжал, – тихо похвастался лысый, которого, как выяснилось, звали Генка. Он протянул своему коллеге небольшую кассету: – «Кар-мэн» свежак выпустили.

– «Ко-ро-ль рейва», – чуть ли не по слогам прочитал бугай текст на кассете.

– Ага, – ухмыльнулся Генка. – Сейчас с этим закончим, товар примем и заценим. Евгенич, давай шевели акрами!

Они называли Евгенича одарённым. Интуитивно я догадывался, что речь шла о чём-то особенном, о каком-то даре или способности. Правда, совершенно не понимал, как такое возможно, но из всего пережитого сегодня способности Евгенича, чем бы они ни были, вызывали меньше всего вопросов.

Хотя нет. Поторопился я с выводами. Вопросы они вызывали – только другого характера. Генка что-то неразборчиво рассказывал второму бугаю о том, что Евгенич – якобы какой-то там «менталист»:

– ...Всех здешних просвечивает, – продолжал вполголоса рассказывать он. – Мысли не читает, но какие-то штуки-дрюки улавливает. Если надо, то иногда ещё и мозги промывает. Хоть и одна акра всего.

– Вообще-то две, – возразил Евгенич, слыша их разговор.

Так вот. Тем смешнее, что я не ощущал абсолютно никакого вмешательства Евгенича в мой разум. Ничего. Мелькнула мысль, что он шарлатан, который умело выдает себя за какого-то там менталиста. И если это так, почему его ещё не раскусили? Какая польза от шарлатана?

Затем начались вопросы. В духе тех, что задавал Шрам, только на сей раз я отвечал проще.

Не помню. Нет. Не знаю. Голова болела. Не помню. Нет, мне просто чудилось, что меня преследуют. Искал? Нет, ничего не искал. Случайно забрел. Где живу... сам не помню. Ничего не помню.

– Всё ясно, – радостно подытожил Евгенич. – Похоже на вторую стадию шизофрении. Либо приход был сильный.

– Так он гнал нам чи нет? – не выдержал Генка. Его показушное чавканье жмачки меня уже изрядно бесило.

– Вам ли не знать. Но в момент рассказа сам мог в него верить, – заумным тоном проговорил Евгенич, затем обратился ко мне: – К нам случайно заглянул, значит?

– Ну да, – ответил я. – Говорил же: через соседнее здание по коридору прошёл. Там открыто было.

– Гонит? – спросил нетерпеливо Генка.

Евгенич помолчал, и было видно, что он немного напряжён.

– Нет, – в итоге ответил менталист, но как-то неуверенно.

– Ну и замечательно, – подытожил Шрам. Встал из-за стола, прихватив фитнес-браслет. – Запрягайте.

– Так он обсос же полный, – засомневался Генка. – Недолго протянет.

– Посмотрим. Не протянет – на кирпичный отправим. Или «болванкой» будем возить. А пока пусть тут привыкает, лишние руки сейчас не помешают. Да и вдруг в ближайшие дни что вскроется – лучше его поближе держать.

Шрам и Евгенич ушли, переключаясь в разговоре на другую тему.

– Добро пожаловать в новую жизнь! – осклабился Генка.

Глава 4

– Кроссовки тоже снимай. Вот эти наденешь.

Дряхлые сандалии и серая майка – вот моя новая одежда. Джинсы, так уж и быть, разрешили оставить: никто в таких ходить не захочет.

Генка с напарником обозначили достаточно ясно: меня отсюда (откуда конкретно, кстати, я так и не знал) никуда не выпускают, а если я не буду делать то, что говорят, то снова отправлюсь в отключку. В отключку я бы предпочел отправить самого Генку и всех остальных, но для этого надо сперва разобраться в происходящем.

– Ассоль, принимай новенького!

На выходе из комнаты меня ждала девушка примерно моего возраста – может, старше самую малость. А может, и младше – странная милитари-рубашка, застегнутая на все пуговицы, и не менее странная светло-зелёная фуражка придавали ей статности и строгости. Взгляд у неё был цепкий. В руках она держала телескопическую дубинку, конец которой искрил миниатюрными молниями.

Да, интересная штукавина. И это я не только про оружие...

– За мной, – сказала она максимально холодно и отстранённо.

В другой руке у девчонки был плеер. Из наушников, спущенных на шею, доносилась музыка. Мотив показался мне отдалённо знакомым, но громкости не хватало...

– Что слушаешь? – спросил я.

Ответа не последовало. Зато вопросы продолжали копиться...

Первое, что я понял: мы находимся уже не там, куда я вбежал, когда спасался от людей в пальто. Это было огромное подвальное помещение, тянувшееся на десятки, а то и сотни метров. Стены упирались в широченные своды, сам тоннель был поделён на отдельные «комнаты» – закутки от основного коридора, в котором, кстати, могли легко разехаться два автомобиля.

В первых комнатах заметил высокие столы, станки, какие-то инструменты. Над столами – широчайшие вытяжки, трубы которых уходили высоко вверх. На полу стояло несколько пустых тачек. Похоже на производственный цех. Подобные же комнаты-цеха так и тянулись вдоль всего тоннеля.

Людей я заметил не сразу, настолько тихо они себя вели. По левую руку время от времени встречались мужчины, занимавшиеся какой-то ручной работой, – возможно, что-то просеивали и сортировали. А вот комнаты, располагавшиеся справа, походили уже на полноценные лаборатории. Там орудовали женщины, одетые в полиэтиленовые халаты, – настолько прозрачные, что без труда можно

разглядеть нижнее бельё.

Освещение было приглушённым – после яркой комнатухи я не сразу к нему привык, к тому же наблюдал за идущей впереди меня девушкой. Что за ерунда происходит? Генка вырубил меня ненадолго – иначе они бы не стали дожидаться моего пробуждения, а связали бы и ушли. Значит, меня перетащили в подвал того здания, в которое я забежал, – или куда-то рядом.

После рабочих отсеков начались жилые зоны, и тут до меня стало доходить. Подозрения возникали и раньше, но я с трудом понимал, зачем этим бандитам сдался кто-то вроде меня. Теперь понял окончательно.

Рабство. Людей здесь было много – в комнатах находились двух- и трёхъярусные полки-кровати, подобные тем, что бывают в поездах. Они вырастали прямо из стен – просто куски бетона. Мне это напомнило игру «Скайрим», где в подземельях так спали драугры. И в общем-то здешние обитатели не сильно от тех драугров и отличались. Рваные дряхлые одеяния, заросшие измученные лица. Каждый отсек перекрывался забором-решёткой, но посередине двери были везде открыты.

– Слушай сюда, новенький, – сказала Ассоль. Я поравнялся с ней. – Теперь это твой дом. Наш дом.

Она говорила это без злобы и отвращения ко мне, скорее даже с грустью. Или мне показалось?

– Отличный у нас с тобой дом, – саркастично ответил я. – По имени «рабство».

– Рабство – на кирпичном заводе за городом, – повысила она голос. – А это – возможность. Для всех, кто потерялся в жизни, кто был на грани того, чтобы умереть.

– Ты сама-то в эту чушь веришь?

– Будешь хорошо работать – сможешь чувствовать радость жизни, – продолжала она, проигнорировав мой вопрос. – Ослушаешься приказов – будешь долго жалеть. – Телескопическая дубинка в её руке усиленно вспыхнула током. – Виды

работ сменяются. Одни работают днём, другие ночью. Слово смотрящего – закон.

– Ты смотрящая? – спросил я.

– Сегодня – Генка. Завтра – я. Потом опять Генка.

– Потом опять ты.

– Необязательно, – возразила она. – Твоё место – тут.

В камере было... нет, термин «камера» здесь не совсем корректный, ведь даже не заперто. В общем, в отсеке находилось человек десять. Одни лежали, другие сидели на нижних койках или у дальней стены. При нашем появлении они не шелохнулись – очевидно, слышали шаги издали.

Всю дорогу я не просто рассматривал обстановку – прикидывал варианты побега. Не понимаю, как такие здоровенные «катакомбы» упрятали в центре Петербурга. Факт в том, что сами по себе они полностью изолированы от улицы. Ни доступных для заезда вентиляций, ни каких-либо намёков на коммуникации с остальным миром. Ну, кроме разве что условного входа: там, где меня допрашивали, было ещё несколько дверей. По логике, другой конец тоннеля тоже должен сообщаться с внешним миром: подобное могли возвести для складов – а значит, с расчётом подъезда транспорта. Хотя когда это строилось-то? Уж не вместе ли с самими домами? А это могло быть и сто, и более лет назад.

Рвануть дальше прямо сейчас? Девчонка едва ли меня догонит. Может, конечно, второй конец тоннеля замурован или охраняется, и всё же...

Сделал вид, что шагаю в отсек, и тут же побежал в сторону. Секунда, две, три – скорость только набираю. И вдруг – падаю. Тело сковывает парализующей болью. При падении ободрал щеку: не смог выставить вперёд руки.

– Глупенький, – грустно вздыхает Ассоль, медленно приближаясь, и вместе с ней нарастает потрескивание электрического телескопа, который только что показал свою мощь. Выходит, она им на расстоянии выстрелила? – Вставай. Не бережёшь ты себя. Только зря силы расходуешь, а они тебе пригодятся.

Нарвёшься на Генку вместо меня – ходить потом не сможешь. Оно тебе надо?

– Мне надо только одно. Выбраться отсюда, – прошипел я. Руки и ноги повиновались с трудом, всё тело пульсировало болью.

Ассоль наклонилась, с силой дёрнула меня за пояс джинсов, потянула вверх, помогая встать. Её голова оказалась рядом с моей.

– Тогда делай это не так тупо, – прошептала она сквозь зубы.

Сказанное можно было расценить и как злобу, и как намёк. Впрочем, какой тут намёк, если минутой ранее она долбанула по мне электричеством?! Сказал бы я, что сделал бы при случае с её палочкой, но решил не нарываться на новые проблемы.

– Иди, – коротко бросила она, кивнув на указанный ранее отсек.

Ишь ты, какая. Первой не идёт, не говорит следовать за ней. Ждёт, чтобы я теперь сам пошёл. В её взгляде мне то и дело мерещится надежда, но потом я вижу, как лицо её хмурится.

Какое тут всё странное. Допрос без наручников, заключённые без запертых дверей. В чём-то даже закономерное окончание сегодняшнего безумного дня. В этом смысле я, конечно, спасся от таинственных преследователей, вот только попал в руки отморозков, не стесняющихся эксплуатировать рабов в центре Петербурга. И неужели о них никто не знает?

Делать нечего – прошёл в отсек. Все тамошние смотрели на меня. Ну не «вечер в хату» же говорить? Не тюрьма ведь, как я понимаю. И всё равно мысли вертелись мрачные: если дать слабину вначале, потом так и будут считать слабым. Я здесь надолго задерживаться не собираюсь, но тем не менее каждое действие нужно совершать рассудительно.

– Спать будешь тут, – Ассоль показала на вторую по высоте койку у входа.

На бетонном каркасе лежал фанерный лист. На этом всё. Ни матраса, ни подушки, ни одеяла.

– Как тут спать-то?

– Лёжа, – донеслось из глубин комнаты. Мне это не понравилось.

Ассоль злобно сверкнула глазами, но ничего не сказала. Постояла, словно хотела что-то сообщить, потом резко развернулась и ушла.

Ответственный момент. Первое впечатление – как известно, зачастую самое важное. Молча залезть на полку? Отлежаться после пережитого не помешает, конечно. Однако непонятки с коллективом оставлять на потом тоже не стоит.

– Кто сказал «лёжа»? – спросил я, сделав шаг вглубь отсека.

– Я сказал, – донёсся голос того, кто лежал на третьей, самой высокой полке у дальней стены.

Я молча подошёл. Тусклый свет – на высоком потолке лишь одна лампа – позволил мне разглядеть, что собеседник лежит не на голой фанере. Голову подпирал набор какого-то тряпья, и, кажется, было даже подобие одеяла в виде простыни.

– Ты-то под голову что-то мягкое стелешь, – сказал я.

– Ну а ты, стало быть, вообще гладко стелешь, – тут же ответил он, шмыгнув носом, и моментально принял сидячее положение.

Рыжие волосы, синяки под глазами. Он был старше меня максимум на пару лет.

– Если внимательный такой, сыграем? – рыжий прыгнул с полки, поравнявшись со мной. Встал почти вплотную, смерил долгим взглядом, ожидая, когда я не выдержу и отведу глаза.

– Во что сыграем? – уточнил я.

– На что, а не во что, – вновь шмыгнул он носом. – Ставь свои легинсы. Я поставлю своё постельное.

– Ты не ответил.

– А ты не согласился.

– На мне джинсы, а не легинсы – это раз. Твоего тряпья они не стоят – это два.

– Ты чего-то борзый, – рыжий едва не врезался в меня лбом и грудью, настолько сильно приблизился. Грудь он выпирал подобно петуху, готовящемуся расправить крылья. Глаза, как мне показалось, у него тоже чересчур вылезали из орбит.

– В напёрстки, – подал голос кто-то с противоположной стены, и я воспользовался случаем, чтобы невзначай хотя бы немного отойти от рыжего. – Все новенькие играют. Такое правило.

Это был пожилой мужчина с хриловатым голосом. Он лежал на боку, подпирая голову рукой. Вид у него был дряхлый, худощавый. Но сам дедок не выглядел побитым и зажатым. Речь, взгляд, дыхание. Мелкие детали, которые по отдельности ничего не значат, а вместе дают ясную картину. В нём чувствовался некий... авторитет?

– Я не новенький, – сказал первое, что пришло в голову.

– В хату впервые попал – значит, новенький, – как бы равнодушно пожал плечами дедок. – Боишься штаны отдавать – ставь хотя бы ремень.

Ага, ясно-ясно. Пахнет подставой. Может, у них и правда традиция такая, но это не отменяет возможности наживаться на всех новоприбывших. Мне-то из моего родного две тысячи двадцать второго это очевидно, а вот для некоторых зелёных «здешних» игра в напёрстки, пожалуй, ещё кажется чем-то прозрачным и честным.

Могу отказаться. Могу проигнорировать. Вот только рыжий всё равно будет считать себя победителем: ведь с ним побоялись сыграть! А это уже дело принципа.

– Дело-то минутное. – Дедок как бы нехотя слез с полки, сел на нижнюю, пустую.

Рыжий раздобыл откуда-то картонку, постелил на полу, сел рядом и достал три напёрстка.

– Шарик! – он показательно вытянул руку с металлическим шариком, глядя мне в глаза. – Кладу под средний.

Вот смешные. Я ведь всё ещё не согласился, а они уже в предвкушении – нашли дурака, думают.

– Начнём? – нетерпеливо проговорил рыжий.

Лыбится, аж светится от счастья. Ну и пусть себе светится.

– Начнём.

Я неторопливо присел на корточки, и ведущий начал ловко вертеть напёрстки. Настолько деловито, что даже якобы случайно уронил один из напёрстков, и оттуда выкатился шарик.

– Ой, увлёкся! – извиняющимся тоном сказал он, шмыгая носом, и вернул шарик в центр. Начал крутить заново.

Ну да, ну да. Всё для того, чтобы убедить меня: играют честно, шарик прятать не станут. На самом деле мне было плевать.

Движения рыжего остановились: три идентичных напёрстка стояли рядом друг с другом.

Пришло время делать выбор. Для вида немного подождал, медленно потянул руку к правому напёрстку. Едва коснувшись его, тут же схватился и за левый.

– Выбираю центральный, конечно же, – сказал я, одновременно с этим поднимая боковые напёрстки.

Они, разумеется, были пустыми.

Встаю и, так и не подняв оставшийся напёрсток, ухожу к своей койке.

Я знаю, что третий напёрсток тоже пуст.

Все это знают.

Но молчат.

Глава 5

– А ну подожди. – Тишина длилась долго, но рыжий все-таки не выдержал. – Ты сейчас чего сделал-то? Ты правила нарушил, пададь.

– Правила можно нарушить там, где их придерживаются, – ответил я. – Ты – явно не тот случай. И кто после этого пададь?

Остальные присутствующие молчали. Одних, казалось, вообще никак не заинтересовало мое появление, и они даже ни разу не выглянули. Другие просто глазели со своих полок. Люди были разные. Не было женщин.

Рыжий, конечно же, сорвался с цепи. В два прыжка он достиг меня. Схватившись руками за край койки, я подпрыгнул и наотмашь шибанул ногами. Рыжий успел выставить плечо, а я вернулся в прежнюю позицию, вставая в стойку.

Дрался он умело. Зацепил левой, пробил двоечку. Я в ответ успел ударить по ребрам, попытался задеть локтем, но лишь черкнул по выставленному предплечью. Это был закаленный в уличных драках боец, готовый добиваться своего. Можно, конечно, до победного махать руками, но лишние травмы ни к чему – да и победы мне это едва ли принесет. Рыжий неприятно опозорился в наперстничестве и теперь хотел самоутвердиться в том, в чем действительно был хорош. Надо быть совсем наивным, чтобы надеяться без должного опыта одолеть такого.

Поэтому я просто отступил за пределы того, что местные называли хатой. За решетку. В коридор.

Рыжий на мгновение замер. За мной он не пошел – остался стоять в паре метров от выхода. Довольно ощерился:

– Зассал, да? Так-то. Знай свое место. Эй, ты че творишь! Стой! Слышь! Хорош, а?!

Я с наслаждением смотрел, как переменялось его выражение лица. И отчего же он был уверен, что я не решусь изо всей силы пинать металлический забор? Звук выходил громкий, звонкий.

– Придурок, нам всем из-за тебя прилетит! – подал голос еще один сокамерник.

Засуетились все. Засовещались меж собой, задержались, повскакивали со своих мест. Чтобы остановить меня, им нужно было покинуть пределы хаты, а это, судя по всему, строго запрещалось. Но и пинать стальные прутья забора они не могли мне запретить.

Спустя время я все же вернулся в хату, и многие сразу выдохнули, что я остановился.

– Выигрыш за мной. Все ведь видели?

Гробовая тишина.

– Отлично. Тряпки вашего отморозка меня не интересуют. В качестве выигрыша соглашусь на информацию. Ну, или я продолжу.

Местные пошептались да заставили рыжего уйти восвояси – он злился и замахивался ногой для того, чтобы пнуть по мне, и все же покорно вернулся к своей койке.

– Ты че думаешь, что это тебе поможет? – гавкнул он по пути, сплевывая. – Сам себя угробишь, и нас заодно.

– Ну и прекрасно, – ответил я, поворачиваясь к своей койке. Залезать на нее рано, но хотя бы руками обопрись. – Умирать, так с песней.

– Рано хоронишь, – проворчал дедок. – Рано или поздно их прижмут Тамбовские, это как пить дай.

– Угу, и сразу заживем! – съязвил кто-то еще из глубин хаты. – Люди Тамбовского-то сразу нас всех отпустят, ага. Посмотрят на все это и дело, высчитают доходность, возьмут да и освободят. Такой старый, а в сказки веришь.

– Такие дела вмиг не делаются, – возразил дедок грубым тоном, и в нем сразу послышалась железная сила. – Мишаня свидетель, столько в шестерках ходил. Если месилово начнется, сперва сами свалят, сверкая пятками. Про нас тут же забудут.

– Или захватят всех нас болванками, – ответил спорщик.

– Не всех. Транспорт им для своих понадобится.

Спор продолжался еще какое-то время, и я вслушивался с интересом. И все равно понимал мало.

– Сбежать пробовали отсюда? – спросил я, желая повернуть диалог в интересное мне русло.

Послышались усмешки.

– Забудь, – заговорил тот, кого дедок называл Мишаней. – У них все под контролем. Там, над нами, – он ткнул пальцем вверх, – за прилавками миловидно продают зелья и соли, а на нас всем плевать.

– Может, потому и плевать, что никто сбежать не пытался? – задумался я.

– Шутишь? Ну, пытались некоторые, и что? У людей Шрама есть все возможности передавить нас в одночасье. Вся полиция ими подкуплена. Продавцы магазинов тоже в курсе, что в подвалах людей держат, но хоть бы кто что сделал – хрен

там!

– Шанс есть всегда, – ответил я. – Пытаться все равно надо. А кто они такие – те, кто нас держат?

– А ты не в курсе? – усмехнулся кто-то еще.

– Вы сегодня так и будете галдеть, а? – дал о себе знать новый голос с одной из верхних полок. – Вам ночью мало было?

И все затихли. Один лишь дедок подозвал меня к нему на нижнюю полку. Скользнул взглядом по рыжему: тот отвернулся к стене. Ну и пусть дальше не высовывается. Конфликт с ним нифига не исчерпан, однако обострять его смысла тоже нет.

Дедок попросил говорить в полголоса, чтобы не мешать остальным отдыхать. Заметил у него на пальце синюю наколку-перстенок.

– Моя фамилия Лебедев. Будем знакомы.

Сказанное вызвало резкий приступ дежавю, словно где-то я это уже слышал.

– Артем Думский. Можно просто Думер.

– Раз можно, то всенепременно так и будет. Я сразу понял, что ты, Думер, ни черта не врубаешься в происходящее.

– Это еще мягко сказано, – кивнул я.

– И тебе нужна информация.

– Всем она нужна.

– Я не телевизор с программой «Хочу все знать». Но правда твоя – наш Царь переборщил. С ним бывает.

– Царь? Во назвался-то нескромно.

– Царенко у него фамилия, вот и Царь. Я, так уж быть, поделюсь чем смогу. Надеюсь, ты при случае это не забудешь.

– Намекаешь, что за мной должок будет?

– Да какой должок! – махнул он. – Все мы тут должники. Просто не забывай, что старик Лебедев когда-то первым сказал, что он тебе не враг.

– Не забуду.

Но и про то, что именно Лебедев подыграл Царю, предлагая мне сыграть в наперстки – тоже не забуду. А он тем временем продолжил:

– Спрашиваешь: кто они такие. Люди графов Медведевых, конечно.

– Графов?

– Ага. Московская аристократия решила пустить свои корни в столицу. Здесь они налаживают производство зелий и солей.

– Так-так-так. – Я охреневающе приложил руки к вискам. – Смотри, Лебедев. Это прозвучит дико, предупреждаю. Но начнем издалека. В какой стране я нахожусь?

– Во даешь, – усмехнулся он. – Российская империя. А что, незаметно?

– Петербург – столица? – развил я закономерную мысль.

Лебедев кивнул.

– Теперь давай про одаренных. И этих, как их... талантов.

Лебедев говорил емко и неохотно – я периодически уточнял и спрашивал, но все равно с трудом упорядочивал знания, которые мне только что открывались.

Картина получалась следующая. Около полутора века назад в мире начали появляться одаренные, обладающие магическими силами. За последующий век аристократия породнилась с одаренными, и сегодня дар почти наверняка равносителен принадлежности к дворянскому роду.

Люди-таланты – редкие «побочные» продукты контактов одаренных с простолюдинами. Таланты не владеют магией, но обладают каким-либо одним уникальным навыком – порой совершенно бесполезным, а порой даже более полезным, чем дар. Я с большим трудом смог это представить, но Лебедева не перебивал – он и без того обрушивал на меня факты, ломающие шаблон.

Границы государств разительно отличались от моего родного мира. В детали я пока не вникал: в приоритетах было узнать другое. Например, то, что несколько лет назад в ходе теракта погибли император с супругой. Сразу после этого правительствующий Сенат разразился конфликтом, а власть перешла к молодому наследнику, абсолютно не готовому к управлению государством. Именно ему пеняют нынешнюю разруху и бездействие. Пока одни аристократические кланы следуют традициям прошлого и соблюдают закон, другие – вроде Медведевых или Тамбовских – начали действовать агрессивно. Отжимать бизнесы, крышевать других, заниматься рэкетом, заказными убийствами – ну и, конечно, полноценной войной с некоторыми другими родами.

– Но не все так однозначно, – многозначительно протянул Лебедев. – Арестовать дворянский род – задача крайне сложная, если в этом не заинтересован Сенат или император. Ну а сами Медведевы и им подобные делают вид, что не признают компетентность нового императора. Считают, что сохраняют порядок в империи гораздо лучше своими силами. Вот и начался передел территорий.

Не знаю почему, но технологически этот мир отставал от моего родного лет на тридцать. Видимо, появление магии ослабило гонку вооружений, а вместе с ней и науку. Но что совсем не укладывалось ни в какое понимание – так это сходство отдельных моментов. Появление одаренных должно было направить историю по другой ветви – так оно отчасти и вышло. Здесь никогда не было СССР, зато сейчас, со слов Лебедева, каждый в империи знает о войне неких Красных Мундиров на Урале. Известных мне мировых войн не случилось – вместо них проскакивали местечковые конфликты. А почему? Да потому что мир так и остался в руках могущественных империй, а не мелких государств.

Но в истории можно копаться долго, и как будет время – обязательно изучу вопрос.

– ...Медведевы заявили в столицу с реализацией зелий и солей, которые в спросе у одаренных, – продолжал Лебедев. – И быстро сообразили, что обрабатывать минералы и титровать зелья выгоднее в подпольных условиях. Вот так они и отлавливают таких как мы – тех, за кого никто не заступится и не будет искать.

– Меня не ловили, – отметил я. – Сам к ним забежал.

– Ты увидел то, чего не должен был видеть, – пожал плечами Лебедев. – Тамбовские крайне недовольны тем, что на их территорию лезут Медведевы, так что конспирация здесь серьезная. Свидетелей не оставляют.

Чем больше говорил Лебедев, тем больше я отмечал для себя «зарубок» – изучить и разобраться, когда выберусь отсюда.

– На многое не надейся, – продолжал он. – Немало людей здесь скурвилось, не выдержав нагрузок. Самых безнадежных отправляют на кирпичные заводы – кормят там меньше, свободного времени почти не оставляют. Расходный материал.

– А лучших? – спросил я. – Что с лучшими делают?

– Поощряют. Еду под заказ подгоняют, одежду. Иногда разрешают посмотреть телевизор или послушать радио. Когда к Шраму наведываются Медведевы, шоу кулачных боев устраивают. Самых сильных забирают в команду, чтобы выступать уже профессионально – в других местах. Если свезет, даже на Соловки возят.

– А там-то куда? Тоже рабы?

– На Соловках? Ну ты, Думер, совсем дремучий, – усмехнулся Лебедев. – Интернациональная зона магических игр. Шоу, которое через телемост показывают. Дуэли один на один, командные столкновения, стихийные... Да чего там только не делают. Многие даже не совсем легально, вот и бойцов

закачивают солями да выставляют на ринг.

Вот она – историческая развилка, следствие появления магии. В моем мире ничего подобного и близко не было, но были Олимпийские игры. Разумеется, одаренным открыты возможности ставить рекорды, недостижимые для простых смертных. Классические спортивные состязания никуда не делить, но акцент в этой реальности явно сместился в сторону всего магического. Ну разумеется. Процесс вполне естественный – все хотят хлеба и зрелищ, и если будет выбор, народ будет выбирать то, что погорячее.

А затем нас прервал неожиданно пришедший Генка, потряхивая в руке здоровую серебряную цепь. Похоже, он все еще жевал всю ту же жвачку.

– Как отдыхается, трудоголики?

Все сразу встрепенулись, задвигались. Прошло, казалось бы, всего несколько секунд – и вот уже ни один не лежит, все сидят на своих – или нижних – койках.

– Вы стучали? Че, думали, мы не услышим? Так нам ведь пятая бригада о вас рассказала.

Глава 6

– Это он все! – Рыжий незамедлительно указал на меня. – За решетку вышел, пинать начал! Угрожал нам!

– А! Подкидыш! Уже развлекаешься! – весело сказал Генка, заметив меня. – Малаца! Хорошо, что напомнил о себе. За это ваша бригада остается без ужина.

И тишина. А ведь виноват, по идее, один я. Нетрудно догадаться, что таким образом Генка как бы намекает – воспитайте новенького сами, иначе так и будете из-за него страдать. Никто не решился возразить против коллективного наказания.

И чего они так его боятся? Рабы, что с них взять. И все же если абстрагироваться и логику включить: нас одиннадцать, он один. Еще и в соседних хатах такие же заключенные. Можно же навалиться, избить, отобрать оружие и двинуть дальше. Жаль еще не успел спросить у Лебедева – наверняка он объяснил бы, почему такая тактика потерпит крах.

Точнее, крах – это для ущербной рабской психологии. А для меня лишь повод придумать план поинтереснее.

Генка продолжил:

– Зато работка нарисовалась. Вместо ужина выполните двойную норму, и я, так и быть, забуду о вас до послезавтра. А теперь за работу, трудоголики!

Мы последовали за ним. Первыми за дело брались старожилы. Лебедев и еще один мужчина лет пятидесяти отправились в рабочую хату с паяльными станциями. Еще трое ушли в секцию неподвижных столов – Генка сказал «на первичку». Ну а меня и еще троих, включая рыжего Царя, поставили на тачки.

Мы взяли их пустыми и повезли по коридору, пока не уткнулись в противоположный его конец, который я ранее еще не видел. Здесь множество рабов разгружало и перетаскивало мешки и ящики, набитые большими каменными породами. В конце – широкие ворота во всю стену. Очень похоже, что сюда заезжает транспорт. Ну, или как минимум сюда проносят все эти грузы.

Ни с того ни с сего Генка пнул одного из рабов в спину, да так мощно, что тот впечатался в ворота. Мальчишка был хлипкий, а удар пинок смотрящего – критически сильным. Другому рабу – пожилому горбатому дедуле – Генка дал подзатыльник.

– Медленно, трудоголики, – весело проговорил он. – Надо быстрее. К этому моменту вы должны были уже все разгрузить.

Еще один рабочий попал под руку. Точнее – под ногу. Генка пнул мужчину в живот, заставив скорчиться, после чего продолжил пинать его уже лежащего. Сил не щадил, пинал и в голову, и в спину, и в грудь.

Вот же тварь, отметил я. Бьет безнаказанно, может и до смерти запинать.

– Если продолжите работать так же медленно, – сказал по итогу он, – все у меня тут валяться будете. Вы, биомусор ничтожный, все никак не поймете, что здесь вы, считайте, в раю. Нигде так трудоголиков не кормят, как у нас. Нигде нет таких щадящих условий. А вы как специально испытываете мое терпение.

С этими словами он пнул первого паренька, который только-только пытался встать. После этого махнул рукой нам, указывая подойти ближе.

– Слушай сюда, подкидыш, – сказал мне Генка, и в этот момент я представлял, как боковина тачки врежется в его лысый череп. Но сейчас не время... – Будете возить руду отсюда к своим на первичку. У вас три часа. То, что ты здесь первый день, не освобождает тебя от ответственности. Отдыхать нельзя. Груз не теряем. Будешь халавить – я возьмусь за хлыст. Если чего непонятно, бери пример с остальных. Начинайте!

Не успел Генка отойти, рабы задвигались как заведенные: начали набирать из ближайших мешков руду себе в тачки. Друг другу не помогали, по сторонам не зыркали, с теми, кто занимался разгрузкой прямо здесь, тоже никак не взаимодействовали, как будто и не видели друг друга. Даже борзый Царь действовал покорно и трепетно. Какое жалкое зрелище.

Однако вариантов нет, работка здесь пыльная – в прямом смысле.

– Эй! – один из рабов на сортировке окликнул меня. Мой ровесник. Худой как спичка, но жилистый. – Только в перчатках.

С этими словами он вручил затертые тряпичные перчатки. Я и раньше отметил, что Царь и остальные работали не голыми руками, но подумал, что это как с простынями – кто нажил, «того и тапки».

– Спасибо, – ответил я, натягивая перчатки. И ведь не жалко ему было их давать! Опять ждать подвох какой-нибудь? Уточнять не стал: раз остальные молчат, значит, за разговоры может влететь. Нужно повникать, что тут происходит.

Каменные породы были тяжелыми и неоднородными. Обратил внимание: в тачки их сгружали аккуратно, старались, чтобы ничего не рассыпалось и не билось. Спросил бы, что мешает паковать сразу мешками, но никто не ответит. Просто кому-то нужно, чтобы рабы делали все именно так.

Пока вез первую тачку, не мог избавиться от мысли, что эта руда – просто отличное оружие. Во-первых, ее точно хватит сразу на всех заключенных. Во-вторых, если куски немного подробить, получатся оптимальные метательные снаряды. А если постараться, то можно и подобие ножей заточить...

И держащие нас люди Шрама это должны знать. Тем не менее, никакие надзиратели не стояли над душой, не следили за нами. Камер я не заметил. По коридору было видно много других хат – некоторые пустовали, в других народ спал или тихо общался. По левую сторону располагались преимущественно женские отсеки, их было явно меньше, и труд женщин здесь редко был физический. Они шили, складировали, ну и ближе к концу туннеля – мешали пробирки, капали жидкости из неких капельниц в колбы, а кое-где даже что-то подогревали на газовых горелках. Если бы не слова Лебедева, я бы решил, что женщин заставляют варить наркотики. Если, конечно, под «зельями и солями» он не имел в виду именно это.

Уже от первой партии груза навалилась усталость. Мышцы спины заныли. У тачек были сильные вмятины на боковинах, и у моей колесо так и вовсе было подспущенным. Когда довез груз до нужного места, повторил действия Царя и остальных: выгрузить камни из тачки в гигантские сумки-авоськи, которых тут было навалом.

Заодно обратил внимание, чем занимались на столах. С помощью молотков и зубил большие камни разбивали на более мелкие. В них то и дело проглядывались светящиеся красные и синие... кристаллы? Вот она, магия. Точнее ее источник. Интересно, одаренные питают ее только из подобных кристаллов или это всего лишь дополнительный источник?

Вспомнились слова отца о том, что во мне течет сила... Так и не понял, это был намек или у него просто к слову пришлось? Да и в целом нахлынула тоска... Если отец действительно погиб, к тому же так странно, хоть и героически – нужно как можно скорее вернуться к семье, разобраться во всем. А для этого сперва выбраться из этого места, а затем... и из этого мира тоже? Не знаю. Но раз уж здесь существует магия, вполне возможно, что с перемещением между мирами

можно разобраться. Не можно, а нужно.

Грустные мысли возвращались в голову снова и снова, но тяжелый физический труд не оставлял сил как-то специально горевать. Пока возвращался за второй партией камней, в очередной раз взглядом изучал других рабов. Задумался. Раз уж всех селили по хатам, разумно было бы объединять людей одной «профессии». Потом понял – нет тут никакой одной специальности. Сегодня таскаешь тачки, завтра дrobiшь руду, послезавтра подметаешь. По той же причине пока одни работали, другие отдыхали: непрерывное производство. К тому же это позволяет более-менее соблюдать тишину, а значит исключает возможность под шумок «затеряться» или попробовать побег.

Спустя час вернулся Генка. При случае он пинал тех, кто слишком медленно вёз тачку, и все напоминал:

– Забываетесь, трудоголики. Вы – ресурс. Как коровы и свиньи. Изношенный ресурс не ждёт ничего хорошего. А будете здоровым, послушным ресурсом – сами почувствуете прелести нашего рая. Мир слишком опасен и жесток, нигде вы больше не будете в такой безопасности, как здесь. Там вы умрёте в подворотне, замерзнете, потеряете всё. А здесь – будете в тепле и при еде. Цените это, трудоголики. Цените, суки неблагодарные!

Время шло. Работа продолжалась. Мышцы устали, руки делали. Курсируя с тачкой вдоль тоннеля, на третьем круге заметил, как несколько женщин повезли тележки с едой – началась раздача ужина. С виду кормили неплохо: накладывали полную порцию чего-то неоднородного, напоминающего салат, в придачу давали хлеба и стакан морса. Живот невольно заурчал от голода.

Я аж усмехнулся – в школьных и студенческих столовых так накормят только за деньги, а тут бесплатно. Выходит, Генка если и врал, то не во всём. В этом и хитрость: покорность рабов воспитывается не только кнутом, но и пряником. Чтобы отбить желание отсюда сбежать, надо внушить людям, что тут они в тепле, а там... Злой холодный мир, тяжелые времена. Кому вы там нужны? А тут и накормят, и занятие дадут.

Не сразу понял, что меня смутило в рабынях, потом дошло. Здесь они были либо совсем юными незрелыми – лет до шестнадцати, либо – гораздо чаще – уже лет за сорок-пятьдесят. Видимо, для остальных находили работу совсем иного

плана в совсем иных местах.

Когда я вез тачку уже в пятый раз, мышцы спины ныли, а на руках, даже через перчатки, начали ощущаться мозоли. А на следующем круге всё изменилось...

– Дорогу! – раздался позади меня голос Царя. Не голос даже, злобное шипение.

Я и не думал поворачивать. Тоннель широкий, объехать можно без труда.

– Оглох? – подал голос еще один «сокамерник», который поравнялся со мной слева.

– Точно оглох, – дал о себе знать еще один, на сей раз по правую руку.

Их трое, значит. Середина тоннеля. Идеальное место, чтобы нешумно сделать пакость, и никто из смотрящих не увидит и не услышит.

– Раз оглох, надо слух выправлять, – заговорил Царь. – Может, тогда и желание долбить по решетке больше не возникнет.

Угу, понятно. Цель у пацанов весьма очевидная – припугнуть и «поставить на место», чтобы я больше не нарывался. Какие наивные.

Впрочем, в их картине мира по-другому и не бывает. Я это хорошо знаю – доводилось не раз конфликтовать с другими командами руферов, диггеров и им подобными. И тут всегда важно знать или хотя бы предполагать, на что тебя провоцируют. В данном случае варианта два: либо я покорно останавлиюсь, пропуская их вперед, либо... Полезу драться, конечно. И они не преминут случаем втроем накинуться на меня. Потом еще и скажут, что я первым напал. Или обязательно напал бы, если бы они не избили меня первыми.

Значит, действовать нужно иначе. На опережение.

Тяжело вздыхаю, останавливаю тачку. В качестве цели выбираю правого сокамерника, самого тощего. Короткий шаг – и я пинаю по его тачке. Камни вылетают на землю, долетают до стены, крушатся, сверкают синими и красными отблесками. Не теряю времени, шагаю к левому сокамернику.

– Дебил! – орет тот и экстренно двигает тачку, дабы я не дотянулся до нее ногой.

Вся его крутизна разом куда-то исчезла, потому что слово «дебил» он произносит с нотками обиды и страха. Ведь оно и то же слово можно выкрикнуть с совершенно разными коннотациями. В одном случае это будет звучать как: «Дебил, я тебя в порошок сотру!», а в другом: «Не обижай меня, ну ты чего, ты что творишь, совсем дебил, что ли...». Сейчас был явно второй случай. Парень молодой совсем – если не мой ровесник, то старше лишь на самую малость.

А вот тот, которому я тачку уронил, до сих пор стоит с разинутым ртом и разглядывает выроненный груз. Один только Царь не теряет самообладание. Пока что.

– Как там тебя... подкидыш! – шипит он. – Ты, кажись, до сих пор не понял, как тут все устроено? Я тебе зуб даю, ты здесь и недели не протянешь.

Взглядом он указал «левому» ехать дальше. А сам бросился на меня, успевая слегка отодвинуть свою тачку. В один миг преодолел расстояние и сходу попытался вмазать мне локтем. Я отскочил, выставил защиту.

Второй паренек тоже полез в бой, по-деревенски замахиваясь рукой для удара. Этого можно не опасаться. Замахивается так, словно сам боится за свои ручки.

Увернулся и встречно ударил в печень, подготовился бить еще. Тем временем Царь задвигался «маятником», не давая мне возможности сходу по нему попасть. Второй противник, оправившись от удара, попытался пнуть в колено. Я отступил, закрылся блоком, пытался бить в ответ, но едва ли мог противопоставить им что-то серьезное. Зато без труда смог нырнуть к тачке Царя, но не для того, чтобы пнуть ее – успеется. А для того, чтобы схватить присмотревшийся мне камень. В следующее мгновение он уже летел в Царя. Не теряя времени, я вновь достал породу и швырнул во второго нападающего. Затем еще. И еще.

Несмотря на удары камней, Царь практически дотянулся кулаком, чтобы пробить мне хук, но на сей раз я запустил булыжник покрупнее, и тот резво ударил по его предплечью, заставляя руку отлететь книзу. На полу камень разбился на

множество мелких. Пол засверкал сине-красными осколками, точно новогодняя гирлянда.

Царь скорчился, хватаясь за руку. А я только сейчас заметил, что из носа капает кровь – кто-то из них успел зарядить. Снял перчатку, вытер кровь. Очень хотелось зарядить рыжему ногой в живот. Только вот...

По тоннелю шел Генка. Двигался он торопливо, но на бег не переходил, видимо, считал это ниже своего достоинства. За ним неряшливо плелся дружок Царя.

Настучал, значит. Причем так быстро. Не первый раз замечаю: сперва кто-то сдал Генке, что в нашей хате стучали по решетке, затем сам Царь меня выдал, почуяв проблемы. И вот опять. Ну и мерзость.

Сделав это умозаключение, я пришел к выводу, что рыжий все же заслуживает пинка, чем я его и обеспечил – пусть даже на глазах у Генки. Теперь Царь катался по пулу, хватая ртом воздух.

Подонки немощные.

Генка не стал разбираться, кто виноват. Точнее – не стал сходу. Просто шибанул по нам длиннющим кнутом, конец которого сверкал электрическими импульсами. Царю прилетело в спину, мне в ноги, третьего не задело. Лодыжку пронзило ощущение, словно на нее вылили кипящую воду. Штанина порвалась, тело пронзило судорогами. Я едва устоял на ногах.

– Доигрались, засранцы? – самодовольно сказал Генка. И да, ОН ВСЕ ЕЩЕ ЖЕВАЛ ЖВАЧКУ.

Другой бы на моем месте, наверное, ответил: «Это не я, они сами на меня напали!» и прочую лабуду. Оправдываться я не люблю. Если стукач уже наплел Генке сказки о моих злодеяниях, то ничего слушать он не станет. Да и не надо.

Стерпев боль от кнута, я медленно подошел к своей тачке, поднял ее за ручки. Посмотрел долгим взглядом на Генку – тот смутился, даже перестал жевать. Ну а я поплелся с тачкой на выгрузку.

Я слышал, как он сзади зашевелился. Вроде бы даже шагнул за мной – может даже подготовил кнут, чтобы шандарахнуть по мне.

Тогда я остановился, бросил назад:

– Груз надо довести.

И двинулся дальше.

Глава 7

Всю дорогу, что я вез груз, сзади доносился ор Генки. В потоки мата сильно не вслушивался, лишь изредка между ними проскакивали осмысленные фразы:

– ...Вы хоть соображаете, сколько это стоит?.. Да Шрам вас всех за такое к электрическому стулу подключит!.. Мне плевать, что ты там мямлишь! Чтоб ни пылинки тут не осталось!.. Резче!

Я тем временем довез тачку, начал сгружать камни и только опомнился, что одну из перчаток бросил в тоннеле. Рабы с зубилами посмотрели на меня подозрительно. Они слышали, что происходило что-то ненормальное, но напрямую поинтересоваться не решались. Да и работы у них было порядочно: камней на обработку свезли уже столько, что за оставшийся час еле-еле управятся, и то не факт.

На обратном пути Генка не преминул остановить меня.

Царь с дружками уже старательно загружали рассыпанные по полу камни в тачки.

– Че устроил? – сходу спросил он.

– Подрался, – не стал играть в непонятки я и ответил сразу по существу.

– Подрался, – злобно повторил Генка. – А груз ты на кой леший ворошить начал, подкидыш?

С этими словами он шибанул хлыстом, заставляя меня выпустить из рук тачку. Спину пронзила боль, ток сковал тело, заставил мышцы непроизвольно напрячься. Генка вновь замахнулся, и на этот раз я увернулся от хлыста.

– У меня не оставалось выбора, – ответил я, давая понять, что не намерен сопротивляться – просто не позволю себя бить, вот и все.

– У тебя его и нет, – прорычал он, вновь взмахивая хлыстом.

Увернуться не получилось. Удар пришелся на плечо, кончик хлыста задел грудь. Майка в этих местах порвалась. И не только майка – кожа тоже...

Боль была дикая, и это по-своему бодрило. А когда я увидел скромную, но все-таки заметную ухмылку ползающего Царя, то рванул в его сторону – к тачкам.

– Куда! – Генка настолько разгневался моему неповиновению, что даже плюнул в мою сторону жвачкой, и этому, несмотря на всю боль, я был несказанно рад.

Вновь свистит ветер, вновь хлыст находит меня. Казалось бы, находит...

Но я успеваю пригнуться, практически ложусь на землю, закрыв голову руками, и электрической конец бьет по камням в тачке. Те освещаются похлеще любых ламп, пронзая весь тоннель синим свечением. С треском наиболее крупные камни рвутся на части, разлетаясь по коридору.

– Вот же мраз!.. – закричал Генка, отряхиваясь от пыли и каменного крошева.

Пока он вновь замахнулся, я уже поднялся и начал перепрыгивать через тачку, дабы отбежать на безопасное расстояние.

Но нет. Хлыст обрушивается на мою спину, и я падаю ровно в тачку, так и не успев совершить прыжок. Генка что-то нажал на рукоятке, и хлыст перестал пускать ток. Однако разницу я уже и не чувствую. Удары продолжают, спина горит болью, взгляд темнеет, сердце бешено бьется. И лишь холодные камни

неожиданно приятно охлаждают тело, насколько это возможно.

Генка приблизился и, дернув за волосы, макнул меня головой в камни. Лоб ударился о боковину тачки, лицо зашипало так, словно кристаллы подобно стеклу влезли под кожу. Процедура повторилась, и на второй раз я успел заметить, как кристаллы в тачке успели покрыться кровью.

– Тебя Шрам вызывает, – неожиданно донесся голос Ассоль.

Удары прекратились.

– Сперва с этим закончу, – ответил Генка.

– Я сама, – возразила она, постучав рукой по телескопической дубинке. – Там что-то срочное.

– Ну, раз срочное... Только осторожнее с этим, он хитрая зараза.

Генка спешно потопал, волоча за собой хлыст.

А я решил, что обязательно убью его. Но потом.

– Ты. – Ассоль указала пальцем на того, кто настучал Генке про драку. – Везешь тачку прямо с ним.

Я почти не видел происходящего. Глаза затекли, взгляд мутнел. Раны на теле пульсировали, словно я горел заживо. Стукач вез меня по тоннелю, рядом шла Ассоль. Она то и дело подгоняла его, пару раз даже показательно применила заряды дубинки, и парень устало хныкал.

– Сюда.

Тачка еле пролезла в комнату – в ту самую, в которой сегодня вели допрос. Ассоль приказала меня здесь вывалить, после чего стукач отправился разгружать тачку на первичке.

Когда дверь закрылась, девушка приблизилась ко мне и помогла подняться, после чего усадила на стул. Сама она уселась на стол передо мной, закинула ногу на ногу и положила телескопическую дубинку рядом. Сняла фуражку, нажала кнопку на плеере, и игравшая в наушниках музыка затихла. Хм, не похоже на продолжение того, что делал Генка.

– Слушай внимательно, – начала она. – Если, конечно, хочешь жить. Ты для них – пустое место, бесполезный кусок мяса. От тебя избавятся так же непринужденно, как и приобрели.

Я хотел ответить, но не мог. Не знаю, что конкретно действовало – полученные заряды тока, макания лица в кристаллы или общая усталость, суть в том, что губы почти не шевелились, язык онемел. В груди до сих пор присутствовало ощущение странного холода, словно магические кристаллы все еще прижимались ко мне. Зато остальное тело горело, как при высокой температуре. Общее состояние было такое, словно я был пьян.

– Генка будет думать, что я... наказывала тебя. Если ты не проболтаешься. А вообще переставай бунтовать – я тебя, глупенького, предупреждала. Так ты ничего не добьешься.

– Рыж. Ый... – еле нашел силы сказать я.

– Да знаю я, – с некоторой злобой ответила Ассоль. – Тебе вообще с бригадой «повезло», но что поделать. Ты вроде умный. Хотя и глупенький, конечно. Так что думай. Хорошо думай.

Поступок Ассоль меня изрядно удивил, и причина тому оставалась тайной. Могла ведь продолжить калечить, вместо этого наоборот помочь пытается. Что она вообще среди бандитов забыла? Светлые волосы до плеч, симпатичные черты лица, сформировавшаяся взрослая фигура. Совсем не бандитская внешность, надо сказать. А может, Ассоль тоже насильно держат? Пусть и в качестве надзирателя. Иначе зачем ей все это? Видит же, какую мерзость творят бандиты Шрама. А если бы для нее это не было мерзостью, таких речей она бы не заводила. Взяла бы да избила дубинкой.

– Кормят здесь хорошо, так что лучше на проблемы не нарываться.

– За чей счет праздник? – с трудом проговорил я, усмехаясь.

– Недалеко ресторан «Матросская тишина», отходы привозят. Зачастую еда даже нетронутая. И из кафетерия просрочку сюда сбавривают. Такое где еще встретишь! – Она ненадолго затихла, потом продолжила: – Туалеты видел? Посередине тоннеля между хатами. Официально в них можно только три раза в день и только после приемов пищи. В остальное время на свой страх и риск.

Я кивнул, мысленно благодаря за бесценные, хоть и пока еще неактуальные сведения.

– Пить будешь? – спросила она и сразу же сама ответила утвердительно: – Пить будешь.

Она вручила небольшую фляжку, и я поднял ее, на расстоянии ловя ртом капли. Промочил горло, и говорить стало сразу как-то легче.

– Спасибо.

– После смены всем предлагают стакан «Рояля», – продолжила она. – Не соглашайся. Паленый. У нас от отравлений человек десять уже откинулось. К тому же зависимость сильная – многие как подсядут, так уже не могут слезть.

Ожидаемо. Потому-то и не торопятся сбегать.

Ассоль достала из стола стеклянный пузырек и приблизилась. Не предупредив, начала капать на спину, раны тут же нестерпимо зашипало, руки непроизвольно схватились за стул так, что побелели костяшки. Еще немного, и я был готов вцепиться в девушку. Капать перекись она перестала, но раны от хлыста продолжали жечь. Я прямо слышал и чувствовал, как пузырится и шипит перекись, встречаясь с кровью.

Затем она повторила процедуру уже с лицом, предварительно вытащив несколько кристальных осколков.

Несколько минут я приходил в себя. Умом понимал, что процедура ценная – в этих подвалах можно не только заражение крови подхватить.

Ассоль молчала. Я тоже. Потом она спросила:

– Ну, вроде все. Скоро поведу тебя обратно. Пока мы здесь, что-то еще хочешь? Может узнать что-то?

Я кивнул.

– Что? – спросила она.

В ответ я ткнул пальцем на ее наушники и плеер.

– Что? Послушать хочешь? – Я кивнул, она усмехнулась. – Издеваешься? И это самое важное, что тебя сейчас интересует?

Голова почти не соображала, тело саднило, поэтому – да, так оно и было. Ничего другого сейчас не хотелось. Можно, конечно, собраться с силами и спросить что-то в духе: «Сколько отсюда выходов? Сколько охраны наверху? Какое у них оружие? В какое время выход никто не видит?». Но на такие вопросы мне никто не ответит, только зря время потратим.

– Ну, как хочешь, – пожала плечами Ассоль, пристраивая мне на голову наушники.

Я на тебе, как на войне,

А на войне, как на тебе [1]

– ...Но я устал, окончен бо-ой, – непроизвольно начал подпевать я, и на сей раз язык слушался уже лучше. – Беру портфель, иду домо-ой!

– Вообще-то портвейн! – резко осекла меня Ассоль и скрестила руки на груди.

– Можно и так, и так, – после паузы ответил я, приспуская наушники. – Так сам Глеб говорил.

– В смысле – сам Глеб? Ты откуда вообще братьев Самойловых знаешь? – В ее глазах было удивление.

– Слушал одно время. Хорошие у них песни были...

– Какое такое «одно время»? Что значит «были»? Это ж новая группа! Они от силы года два выступают, и то до нас их альбомы далеко не сразу добрались.

Я еще некоторое время наслаждался музыкой с закрытыми глазами, так и ничего не ответив. Вот и пусть теперь голову ломает. Про себя отметил, что в некоторых местах песня чуть-чуть, но отличалась от версии из моего мира. Но чем конкретно, не мог вычленить. Может, просто наушники слабые, звук портят.

Пришло время уходить. Вернул плеер, встал. Меня пошатывало, но идти я мог. Перед выходом Ассоль на миг остановила меня и, пристально посмотрев в глаза, прошептала:

– Вытащи нас отсюда.

Глава 8

Всерьез прикинул, не было ли услышанное галлюцинацией. Тело знобило, голова раскалывалась. Я вообще еле соображал. Весь, чтоб его, сегодняшний день мог показаться одной большой галлюцинацией, и я был бы этому несказанно рад. Но нет.

И вот что она молчала?! В смысле – почему раньше не сказала, что тоже хочет свалить? Чем черт не шутит, тогда действительно можно было бы объединить усилия и все спланировать. Не доверяла? Ну еще бы. Боялась? Не без этого. И все-таки решила мне помочь. Или, точнее, сделать вид, что помогает – разница тонка, но она есть. Может это вообще подстава, на верность проверяют? Исключать ничего нельзя.

Когда я пошел за Ассоль, другую дверь распахнул Генка. Я заметил его лишь краем глаза, специально поворачивать голову не стал.

– Завтра на стрелку едем, – обратился он к Ассоль, игнорируя мое присутствие. – Нужно болванок собрать. Машин на шесть. Этого подкидыша точно возьмем. Остальных списки подготовь.

Ассоль кивнула, и мы двинулись дальше. Разорванная майка пропиталась кровью и перекисью, под носом засохла кровь, ноги еле держали. Похоже, мой хромающий вид дал понять Генке, что сейчас с меня спросить уже нечего, вот он и не стал меня трогать. Или его так взворошил разговор со Шрамом, что я его уже не сильно интересовал?

И все же Генка самодовольно пробурчал что-то нам вслед, явно наслаждаясь моим видом. Он думает, что этот раунд я проиграл.

А я не сомневался в выигрыше. Если бы не пнул тачку, Царь с дружками точно бы меня побили. И валялся бы я тогда посередине тоннеля с выбитыми зубами. Ну и кому хорошо бы стало? А так сделал единственно правильный выход. Зубы остались на месте, а раны... пройдут. Зато Царь свое получил.

Пока плелись по коридору, Ассоль делала вид, словно испытывает ко мне лишь неприязнь. Она подгоняла, устало вздыхала, пару раз дала указания другим сокамерникам – у них еще оставалась работа, но это были уже финальные заходы.

Успел заметить, как другая бригада рабов просеивала «выбитые» кристаллы через сито, а за соседним столом паренек, что поделился со мной перчатками, выбирал зерна вручную, пользуясь лупой. В «женском» отсеке обжигали руду на воздухе и спекали зерна в окатыши. В общем, работа кипела, помещения не простаивали.

В хате уже сидел Лебедев и тот второй, что уходил паять вместе с ним. Вести с ними беседы отсутствовало всякое желание, и я полез на свою койку.

Полез бы.

– Из Ризомы к нам попал?

Вопрос Лебедева, надо признать, порядком меня ошарашил. На секунду я замер, потом развернулся к нему.

– Что ты сейчас сказал?

– Из Ризомы, говорю, к нам попал. Я прав?

– Допустим, – я скрестил руки на груди и встал неподалеку. – А ты знаешь, что такое Ризома?

– Да кто бы знал! – суетливо махнул рукой второй пожилой мужчина. – Может ты нам расскажешь?

Только сейчас я рассмотрел его внимательнее. Полноватый, низкорослый. Длинные седые усы, пара золотых зубов.

– С чего такие предположения? – Я изогнул бровь.

– С того, – продолжил Лебедев, – что у тебя все на лице написано. Ты даже не был уверен, в какой стране находишься. Зато джинсов таких чудных у нас не встретишь.

– Да и носков тоже, – заметил второй собеседник, но скорее в шутку, чем серьезно.

Носков? Только сейчас опомнился: на мне были серые носки с динозаврами, держащими по кружке пива. Когда Генка выдавал мне сандалии, внимания на это не обратил. Оно и к лучшему.

– Давайте к сути, – устало поторопил их я. – Как в Ризому вернуться?

– Спросить у того, кто там был, – засмеялся второй дедок, и Лебедев подхватил смех.

– Иваныч, не глумись над парнем. Нам с ним еще кров делить, – протянул Лебедев, затем обратился ко мне. – Садись, Думер. Не в том ты состоянии, чтобы стоять.

– Расскажите про Ризому, – потребовал я, присаживаясь неподалеку от Лебедева.

– А ты нам что взамен? – хитровато спросил Иваныч.

– А я вам подробности завтрашней стрелки, на которую готовятся Генка и Ассоль, – сходу соврал я.

Информация о месте, в котором погиб мой отец, была для меня крайне важна, а с остальным как-нибудь разберемся. К тому же он говорил, что это некое междумирье. А это значит, что мне нужно именно в Ризому.

– О как, – удивился Лебедев. – Ну, насчет Ассоль ты явно что-то спутал.

– Ее никогда не берут на стрелки, – подтвердил Иваныч. – Сама же в рабынях ходила.

– И стала смотрящей?

– Ага, – кивнул Лебедев. – Ассоль у нас любят. Она хоть и строгая, но вся ее строгость надуманная и показушная. Все время старается выслужиться перед начальством.

– Да было б иначе – давно б в других местах находилась, – вставил Иваныч.

– И в каком же?

– Знамо в каком, – продолжил тот. – Шрам всех малолеток только для одного готовит. Дорого продать.

– Девственность, – авторитетно добавил Лебедев и уточнил: – Дорого продать девственность. Сами по себе девки не то чтобы дорогие... Шрам ищет покупателей, готовых брать их сразу в жены.

– То бишь в другое рабство, – метко заметил Иваныч.

– Ну вот хозяева и ждут, когда те подзреют немного, – продолжил Лебедев. – Но Ассоль как-то за место зацепилась, инициативу проявила. Вот Шрам и пришел к выводу, что пока ее смотрящей держать выгоднее. Много той работы делает, на которую его тупые шестерки едва способны. Она успевает то, что раньше на ее месте трое лбов таких делало.

Собственно, вот оно и прояснилось. Ассоль всячески стремилась показать свою необходимость здесь, дабы ее не продали какому-нибудь арабскому шейху – или кому хуже. А покупателя на нее все равно найдут как пить дать – вопрос времени.

– Ладно, – сказал я. – Давайте к Ризоме.

– Ничего толкового ты не узнаешь, – пожал плечами Лебедев. – Ризома – это как черная дыра: теоретически она есть, а на практике никто не видел.

Мысленно я припомнил, что в моем две тысячи двадцать втором вопросе о черных дырах не стояло – их фиксировали телескопы. Но в этой реальности могло быть иначе.

– Зато явственно заметны ее проявления, – многозначительно продолжил старик. – Доподлинно известно лишь то, что Ризомой зовут пространство, из которого в наш мир проваливаются существа, совершенно чуждые нашей природе. Монстры. Случается это редко, место Прорыва всегда разное, но одаренные давно научились их фиксировать и все зачищать. Чей род больше зачистит монстров, на тем больше привилегий и наград он может рассчитывать со стороны императора.

Лебедев замолчал, тогда второй дедок вставил:

– Причина этого... феномена до сих пор неясна, как и неясно появление первых одаренных.

– Ну, слухи-то ходят, – задумчиво проговорил Лебедев, постукивая пальцем, – что, мол, встречали людей из Ризомы. Теорий много на этот счет. Среди них есть и такие, что, мол, где-то за Ризомой есть параллельный мир, похожий на наш.

Да уж. Звучит нелепо, но обнадеживающе – шанс вернуться домой все же имеется. Некоторое время я еще поспрашивал о Ризоме и о таинственных людях в пальто, но никакой конкретики не получил. Лебедев намеренно сворачивал разговоры. Он явно знал больше, и скользкие ответы вроде «поди да узнай» и «знал бы прикуп, жил бы в Ризоме» только нагляднее показывали, что дедок темнит. Или скорее не хочет разбрасываться словами, может надеется выменять остальную информацию позднее – на что-нибудь более ценное. Иначе зачем ему что-то скрывать?

– А с Царем ты зря сцепился, – как бы невзначай в очередной сменил тему Лебедев. – Он на улицах Лиговки вырос, по-другому не может. Тем не менее, парень он толковый. Бывало, чуть ли не за всю бригаду пахал и за наших заступался.

– Мне-то что с того? Он угрожал и выделялся, за то и получил. И еще получит.

– А ты на провокации не ведись. Вам бы обоим понты свои подальше запихнуть, и сработаетесь за милую душу. Ты знаешь, как он попал сюда?

– Откуда бы мне знать? – равнодушно ответил я.

– Наперстничеством он занимался. И занимался очень умело. Вот только когда люди Медведевых начали с его команды за крышевание взимать, он решил съехать с темы, заодно и их конкурентам сдать. Вот и нашли ему применение получше.

– Да тут кого ни возьми, – весело сказал Иваныч, – все где-то косякнули.

Я пришел к выводу, что Иваныч не умеет говорить без смеха. Абсолютно любая тема вызывает у него улыбку.

В хату вошел мужчина средних лет. Лебедев поддержал собеседника и подхватил инициативу:

– Вот Мишаня, например, у Медведевых шестеркой ходил. До тех пор, пока однажды не прокололся с заказухой. Наследил. Полиция и тайная канцелярия на него быстро бы вышли – оставалось либо убрать, либо сюда спрятать. Повезло,

что выбрали второе.

– Ух как повезло! – язвительно буркнул упомянутый Мишаня и улегся на свою койку, отвернулся к стене. – А ведь сперва в уши долбили: «Потерпи, Мишаня, это для твоего же блага, временно на дно заляжешь, потом выйдешь».

– Кто ж знал, что дно окажется не фигуральным! – захохотал Иваныч, хлопая по колену. – Ну так и я сам аналогично: работал с воровайками-угонщиками на князя Кипарисова. Все чисто было, не придраться. А потом ребята угнали машину не того человека, и Медведевы половину клана зачистили. Ну, зато теперь бухло покупать не надо, за так наливают! – заржал он.

– А меня на вокзале угостили, – начал рассказывать Лебедев. – Кофе, кажется, предложили, ну а я и согласился, очень уж депрессивное состояние было, хоть вешайся. Проснулся уже здесь.

Потом Лебедев рассказал и об остальных – они как раз начали прибывать в хату. Никаких интересных историй там не было: каждый на чем-то попался, поверил незнакомым людям на улице, предлагающим работу, и так далее.

Насколько я понял, основная работа у всех была утром-днем, а эти вечерние четыре часа были вне очереди. Царь пришел последним. На меня он смотрел со злобными выпученными глазами, словно был готов откусить от меня кусок. Но молчал, не нарывался.

– Надо отсюда бежать, – спустя время сказал я, прохаживаясь по хате.

В ответ раздались усмешки и скептические возгласы о том, что бесполезно.

– Если организовать все большой компанией, это дастся намного легче. Бежать я в любом случае буду, вопрос только – с вами или без.

– Ты нам лучше про стрелку расскажи, – напомнил Лебедев.

И я бы и правда что-нибудь рассказал, даже планировал присесть – стоять уже не мог, голова кружилась. Но стоило посмотреть на свои руки, как померещилось, словно все вены горят огнем – настолько ярко, что я вижу их

сквозь кожу. Тут-то и наступила тьма...

Глава 9

– Тёма, подъем! Приехали. Пошли прогуляемся.

Голос отца вызволил меня из глубокой дремоты, в которой я находился всю дорогу. Сказать по правде, я откровенно дрых. Еще бы – ночью мы с ребятами ошивались на крышах Литейного проспекта. Засекали время залазов, вешали репшнуры, через дрон перекидывали ленты на противоположные крыши. Полноценный хайлайн – ходьбу по веревке над пропастью – пока еще не провернули, но и подготовительный процесс забрал все силы. Особенно в такую жару.

Отца мои приключения интересовали мало, вместо этого ему отчаянно захотелось провести это утро понедельника за городом и непременно со мной. Я даже не интересовался деталями – всю дорогу до Зеленогорска продрых.

И вот ведь какой парадокс. Сейчас я знал, что это все сон и на самом деле я в подвалах клана Медведевых. На дне, как иронично заметил Иваныч. И одновременно краешком сознания помнил, что переживаю события годовой давности. Вижу их во сне, который не могу – или не хочу – отогнать.

То был июль две тысячи двадцать первого. Аномальная жара в Питере действительно вынуждала выбираться куда-нибудь на природу да покупаться. Хотя лично меня больше всего интересовали наши руферские залазы. Время белых ночей идеально подходило, чтобы протягивать тросы и тренироваться – ну мы и пользовались моментом.

Вот почему эта поездка с отцом мне тогда слабо запомнилась, хотя и была до невозможного странной. С собой мы не взяли ни телефонов, ни каких-либо других средств связи – так велел отец. Машину оставили у соснового леса, дальше шли пешком.

Всю дорогу я зевал и задавал вопросы о том, зачем мы сюда потащились в такую рань, но получал лишь абстрактные ответы вроде «Давно пора развеяться».

– Вот мы и на месте. Запомни его как следует.

Это было несложно. Наша дача находилась в паре километров отсюда, правда на сей раз мы туда даже не заехали. Лес здесь обрывался на невысоком склоне, в низовьях растянулись болотца, а чуть пораньше – тропинка из ближайшей деревни. Край леса, выразительная опушка.

– Артем, эти часы достались нам от прадеда. – Только сейчас я обратил внимание на пакет, из которого отец достал старые механические часы без ручек.

– Ну и нафига ты их взял? – недоуменно спросил я.

– Не только их, – продолжил отец и достал из пакета миниатюрный стальной сундучок; скорее декоративный, чем реальный. – Ты знаешь, время течет быстро. Не успеваем оглядеться, и прежняя жизнь уже позади. Что-то кончается, что-то начинается. Тем приятнее оставлять «приветы» из прошлого. Просто для того, чтобы помнить.

– Капсулу времени, что ли? – начало доходить до меня.

– А то!

– Не, ну ты даешь, батя! Хоть бы предупредил, я бы много чего с собой взял в земле закопать. Фотки распечатал бы. А лучше... лучше бы сразу флешку взял! То есть терабайт!

– Вот будут у тебя свои дети, Тёма, будешь брать все, что душе угодно, – поучительно сказал отец, раскрывая сундук. Кое-что в нем уже лежало. – А сейчас я сам решил собрать всякое старье... по мелочи. Пару флешек, между прочим, тоже прихватил.

Я заглянул в сундук. Запечатанные бумажные конверты, старый диск в прозрачной упаковке, спичечный коробок, боевой патрон... И в довершение ко

всему эти старинные часы...

– Старье какое-то насобирал, – резюмировал я.

– Старье не старье, а я надеюсь, что однажды ты сюда вернешься. Тогда и решишь, что здесь настоящее старье, ты или эти вещицы. Копать будем глубоко. Запоминай место.

Отец достал две саперных лопатки, и мы принялись за дело. Место и правда было приметным: рядом здоровенный булыжник, заросший мхом и травой, а чуть дальше огромный дуб. Хотя точный квадрат «захоронения» совсем детально и не запомнить, тут ведь шаг в сторону – и ты уже не там.

– А чего Машу не взял? – спросил я, подразумевая старшую сестру.

– А оно ей надо? У нее своя жизнь, её попробуй вытащи.

– Ну Саньку тогда бы...

– Мал еще, не запомнит ничего. Еще и в туалет запросится, а потом пить.

– А потом опять в туалет.

– А то ж.

Да и ладно. Помучил отца еще некоторое время расспросами, чего это его так на сентиментальность пробило. Потом, так уж вышло, мы наткнулись на чернику и принялись ее собирать. Я не выдерживал и съедал каждую собранную ягоду, тем временем отец накопил большую горсть. Но с собой везти – морока, тары нет нормальной. Лучше при въезде в город купим ведерко для мамы и Саньки.

Не помню, купили ли мы тогда чернику. Потому что когда я уснул, сев в машину, то проснулся уже по-настоящему. В хате, на своей койке. И не сразу понял, где я.

Голова раскалывалась, тело знобило. Спина мало того, что болела после хлыста, так еще и затекла от длительного лежания на твердой фанере. Все сокамерники

вроде бы спали, снизу доносился храп. Из тоннеля слышались удары и грохот – кто-то работал на станках. Наверное, этот грохот меня и разбудил.

Сон был настолько душевным и легким, что я не сразу его отпустил. Это был не тот случай, когда после пробуждения сновидение растворяется, и ты отчаянно хватаешься за последние его кусочки, не успевшие рассыпаться в памяти. Нет, сейчас я помнил все хорошо – как минимум потому, что увиденное реально происходило чуть меньше года назад.

Часы!

Те же самые, что отец вручил мне в машине!

Или – аналогичные? Неужели он сам их раскопал?

Да и вообще... нутром чуял, то летнее утро как-то было связано со всем происходящим сегодня. С чего все началось? С того, как отец вместе со своим товарищем забрал меня с Невского. Или – раньше? С курьера?

Я готов поверить в любые совпадение, но точно не во вчерашние. Нет, определенно курьер-рептилоид тоже должен был быть к этому причастен. Может, его тоже застрелили эти люди-пальто, а я их просто не заметил? Это бы объяснило его моментальное исчезновение. Впрочем, в этом мире от их выстрелов люди просто падали, а не взрывались и не исчезали. Словом, ничего не понятно, но очень интересно.

Что было дальше? В целом вырисовывалось, что отец забрал меня, чтобы уберечь от беды. И не уберег, раз я здесь... Или именно что уберег, раз я все еще жив? Зависит от точки зрения.

Пришел к выводу, что пока я не узнаю больше, никак все эти факты не сопоставлю. Я и вчера много ломал голову о происходящем, и понял, что гадать можно до бесконечности. Лучше действовать.

А чем вообще вчера вечер закончился? Точно, я упал – и меня, судя по всему, закинули к себе на койку. Решили не создавать себе лишних проблем, оставляя мое тело на полу.

Лучше мне не стало. Во мне словно происходили какие-то сложные процессы. Похоже на болезнь, но ощущения непривычные. Я одновременно чувствовал себя уверенно и бодро – вот хоть сейчас иди да набей Генке рожу. И в то же время голова горела, в затылке ритмично стучал пульс, и любое движение головы отдавалось дополнительной болью. Спать тоже хотелось, однако получалось с трудом. Все тело мерзло и горело одновременно, когда глаза смыкались, мне казалось, что веки плавят глазницы – настолько жаркими они казались. Наверное, это просто лихорадка.

Так я и валялся в полудреме. И ведь, похоже, даже таблетку парацетамола не выпросить, не говоря уже о постельном режиме и прочих радостях моей бывшей жизни. Только догнивать в этом безумном месте. Безумном мире.

Не знаю, сколько прошло времени, когда в хате зашептались. Начало разговора я не слышал, а потом в ушах словно заслонку пробило, и донеслось:

– ...А ты уверен, что Генка нормально отреагирует? У них там сборы.

– Он сам наставлял: сообщать про всех, кто о побеге или разбое заикнется. Я еще раз от Евгенича «промывку» получать не хочу, ну его нафиг! Заодно, если повезет, поскорее от этого избавимся.

– Давай тихо только, пока он в отключке. И остальных не разбуди.

И шаги. Это кто-то снизу поднялся и пошел на выход. На ночь все хаты закрывались железными решетчатыми дверьми, но не на замок – просто должны были быть плотно прикрыты. Когда тот, кто решил на меня донести Генке, начал медленно открывать дверь, она тошно закрипела. А я громко сказал:

– Настучишь – пожалеешь.

И тишина. Я чувствовал, как парень замер на месте, не веря собственным ушам. Можно было не сомневаться, что это был тот же самый, что настучал про драку с Царем.

Состояние у меня было так себе, едва ли я вообще мог сейчас встать. И все же собрался с силами:

– Мне терять нечего. Скажу потом, что ты поскользнулся и об стену ударился. Проверим?

– Тебе не поверят, – скептически ответил стукач.

– Может и не поверят, но бывшее не вернуть. Для тебя мертвого уже будет разница?

Стукач что-то пробурчал себе под нос и вернулся на место. Рисковать не решился, это хорошо.

Потом меня опять срубило. Снов уже не запомнил, если они вообще были. Время от времени просыпался, головная боль никуда не девалась.

Разбудил меня Генка, ожидающий у входа. Спросонья я толком не расслышал, что он прокричал, но обращался точно ко мне.

Когда слезал с койки, обратил внимание на стукача – тот не спал. Как не спали, впрочем, и все остальные, генкин крик даже глухого разбудит.

– А ну за мной, – буркнул смотрящий, жуя жвачку.

На ноги я встал с трудом, пошатывало. Лицо на удивление не щипало и не болело – когда я провел рукой по лбу и щекам, показалось даже, словно вечерние раны уже частично затянулись. А вот затылок стучал болью, неприятно ныла спина. Кожа была разодрана вклячья, не могла не болеть.

В начале тоннеля была какая-то движуха. Бугаи в спортивных олимпийках и кожаных куртках стояли группами по три-четыре человека, что-то обсуждали и таскали. По ощущениям, время было пять или шесть часов утра. Меня Генка завел в допросную.

– Сбежать решил, подкидыш? – спросил он, хрустя шеей. Я промолчал. Садиться на стул не стал, так и продолжил стоять рядом. – Я бы из тебя все вытряс, но не до того.

Вот же стукач, зараза, все-таки сдал! Что ж, свой выбор он сделал. Осталось мне сделать свой.

– Звал? – в дверях появился уже знакомый мне Евгенич.

Явно не выспавшийся, спросонья. Видимо, только приехал.

– Сбежать думает, – сказал Генка. – Прочисти ему мозги как следует уже. Только мы его сегодня болванкой возьмем, так что пусть на ногах стоит.

– Займемся, – ответил Евгенич, тяжело вздыхая, и Генка оставил нас одних.

Мелькнула мысль: долбануть менталисту стулом по голове, захватить ему шею и начать пытать, угрожая задушить. Телом он дохленький, я осилю. Наверное. Вот только стоит ему подать голос, как за дверью все услышат. К тому же я забыл, что стул здесь вмонтирован в пол посредством некоей трубки. Не знаю, что Генка называл «болванками», но после попытки покушения меня точно застрелят от греха подальше, а то и живьем в бетоне замуруют. Нужен верный момент...

– Присядь, – буднично указал Евгенич, сам подставил табурет ближе ко мне. Сегодня он был гораздо менее бодр, и вообще выглядел так, словно вот-вот сам уснет.

– Опять в гляделки играть будем? – спросил я, и менталист принял это как вызов.

Он поправил очки, закрыл глаза, поднес ко мне руку... И ничего. Я прямо видел, как он сдался. Сперва несколько секунд не дышал, усиленно о чем-то думая закрытыми глазами, а потом часто задышал, опустил руку. Процедура повторилась.

Никакой «промывки мозгов» мне, конечно, не хотелось, но после предыдущей встречи Евгенич как-то совсем не вызывал у меня страха. Я всерьез раздумывал, не дурит ли он всех этих бандитов.

– Слушай сюда, – злобно проговорил в итоге он. – Черт его знает, что с башкой твоей творится. Считай, что повезло. Значит так: никаких мятежей ты больше планировать не будешь, говорить об этом тоже. Ведешь себя тихо, спокойно. О нашем разговоре никому ни слова.

– А если нет?

– Всю шкуру с тебя сдерут, – оттарабанил он, явно пытаюсь нагнать страху. – Лично распоряжусь. Скажу, что ты невменяем.

– Не пойдет, – пожал плечами я.

...Потому что все и так знают, что я невменяем. Для этой системы.

– Ты что, не понял? – Евгенич со злости сдернул очки, стал нервно перекладывать их из руки в руку.

– Да все я понял. Условия другие. Ты прямо сейчас достанешь мне пару таблеток парацетамола или аспирина, а я постараюсь быть смирным неделю.

Менталист перестал двигать очками, удивленно посмотрел на меня – словно до этого считал, что разговаривает со стеной, и вдруг обнаружил нечто другое. Встал, дошел до стола, открыл дверку шкафчика. Долго молчал.

– Две недели, – наконец сказал он. – И есть только анальгин.

Запивать таблетки Евгенич не дал, зато предоставил возможность собраться с силой и принять их, глотая вместе со слюной. Данное менталисту слово я держать, конечно же, не собирался. Неделю я здесь не выдержу. Но выиграть временное доверие – почему нет.

По-видимому, Евгенич должен был как-то «заколдовать» мой разум, чтобы я перестал думать о побеге. А ведь это, кстати, весьма объяснило бы, почему местные рабы так неохотно думают сбежать. Не будет же Евгенич с каждым договариваться, как со мной?

На самом деле для меня эта «сделка» была гораздо важнее пары таблеток обезболивающего. Ведь это означало, что менталисту можно будет и дальше ставить условия. Слабый он на дух, легко прогибается. Жаль, что видно его тут нечасто. Может, через Ассоль получится вызвать в случае чего, а там и действительно допросить. Уже похоже на хлипкое, но все-таки начало плана.

На выходе из допросной Генку не встретил, оно и к лучшему. Неторопливо дошел до хаты, прикрыл за собой дверцу. Окинул взглядом местных, заметил, что некоторые точно не спят. Выждал время и сказал:

– Как видите, я жив, хотя и вероятно не очень здоров. Как видишь, стукач, я вернулся. И вернулся я за двумя вещами: сломать тебе зубы и сбежать из этой дыры. И, как ты догадываешься, начну я отнюдь не с побега.

Глава 10

Стукач от неожиданности свернулся калачиком, выпучил глаза и заверещал:

– Я-то тут при чем! Это не я!

– А даже если и он, – зарычал со своей полки Царь, но спускаться не решился. После драки ему сильно досталось, лицо в синяках, губы разбиты. – Тронешь его – убью.

– Ну так убей, – ответил я.

– Ну-ка тихо, – вмешался Лебедев, разводя руками. – Во-первых, Думер, ты наверняка не в курсе, но многих наших ментально заряжают на доносы. У кого разум послабее, устают сопротивляться. Он не мог не сдать тебя. И не только он.

– Я предупреждал. Он не послушал.

– Послушал, – пискляво ответил стукач. – К себе ушел.

– Ты видел, как он настучал? – спросил Лебедев.

– Я увидел следствие этого, – ответил я, закипая. – У вас тут хаты, смотрящие, все по-тюремному, я смотрю. А ты, Лебедев, очень похож на сидевшего, уж прости за честность. И ты мне будешь доносы оправдывать?

На самом деле в голове развернулась дилемма. Возможно, паренек и правда не виноват – на этот раз донести мог кто-то другой. Но вот это вечное покрывательство мне не нравилось, пора уже ставить на место всех сокамерников.

– Не шуми, – хмуро ответил Лебедев. – Это главное правило. А теперь насчет тебя...

– Идут! – прошипел один из дружков Царя, и все тут же улеглись по койкам. Я постоял-постоял и тоже залез к себе, в тоннеле шаги действительно разносились.

– Ты, – ткнул в меня появившийся Генка, – ты и ты. На выход.

Со мной выходил паренек, который вчера вместе с Царем пытался меня побить, и мужчина лет тридцати пяти, который в моем присутствии еще ни слова не говорил. Собирали народ и из других хат, в общей сложности набрали человек двадцать.

– Значит так, трудоголики, – заговорил Генка, подводя нас к выходу, где толпилось много братков в кожанках. – Напоминаю один раз и для всех. Сейчас одеваете куртки, затем пакуемся в машины. Напоминаю, что с вами будут ехать взрывчатки. За попытку сбежать шмаляем на месте. Делаете то, что вам говорят, и ничего другого. Работаем!

Каждому из нас выдавали олимпийки, а отдельным счастливым – кожаные куртки. Причем не просто выдавали: бандиты проверяли, чтобы каждому куртка подходила по росту. Особо отличившимся рабам, на которых смотреть было страшно, меняли еще обувь и брюки.

Ну а дальше повели наверх. Постарался внимательно запомнить, как выглядит выход: подъем по лестнице занимает около пятнадцати секунд, если не толпиться. Так мы оказываемся в складном помещении, похожем на то, в которое я забежал с улицы. Здесь охрана – шесть братков, развалившихся на креслах и диване. Лежат вальяжно, рядом – маленький квадратный телевизор фирмы «Шарп» с толстым закругленным экраном. На тумбочке рация с длинной антенной, глянцевые журналы, кулек семечек. У одного из бандюков – развернутая газета «Вечерний Петербург». То есть сидят тут подолгу, все условия комфортные. Мимо не прошмыгнуть.

Более того, за стеллажами помещение тянется дальше и через дверь ведет в следующую комнату, в которой ситуация с вахтенными повторяется почти точь-в-точь. И вот теперь – выход на улицу.

Просто взять и рвануть – вот прямо сейчас, сходу – нереально. Братки контролируют каждого, в руках пистолеты, у двоих – небольшие автоматы на ремнях. А если и бежать, то непонятно куда: похоже на частный сектор, арка двора перекрыта решеткой, кругом заборы и стены других зданий. Хотя кое-где без особого труда можно забраться на пристройки и крыши по вытяжным трубам, например.

Нас заталкивали в ожидающие «волги», «шестерки», «девятки» и другие автомобили – нашелся даже один микроавтобус. У машин цвета либо черные, либо малиновые – как например у «восьмерки», в которую меня запихнули не первым и даже не третьим. Пятым. Ну а шестому, как самому упитанному, досталось место рядом с водителем.

Сказать, что тесно – ничего не сказать. Машины заполняли по полной, не продохнуться. И нет уверенности, что анальгин помог – у меня точно все еще была температура.

Лицо водителя нашей восьмерки показалось мне смутно знакомым... Или не лицо, а общий вид: стрижка ежиком, косуха с выразительными погонами и брови, форма которых создавала иллюзию того, что человек все время в хмуром удивлении. Хм, а не он ли стоял у машины, когда за мной гнались люди-пальто? И автомобиль, между прочим, был такой же!

Машины, как по команде, начали заводиться. Ворота арки отворили. Первым со двора выехал роскошно смотревшийся черный «понтиак», затем остальные. Водитель включил магнитола, и заиграло:

Она утверждает: ставь на zero.

Я ставлю себя, а куда – все равно,

По-па-да-я к ней в засаду-у [2]

– Оу-оу-о, ставим на zero, – тут же начал подпевать водитель. – Это странный ход, но на zero всегда везло-о...

Ехали мы быстро, но и дороги были на удивление относительно пустыми. Машины выстроились в два ряда и почти не отрывались друг от друга. Думал, бандиты будут игнорировать светофоры, но нет – правила соблюдали, хотя куда тут денешься, когда на пешеходные переходы высыпает толпа.

Сейчас я еще более отчетливо наблюдал, как этот Питер отличался от привычного мне. Не сказать, что в худшую сторону – местами он был просторнее и тише, деревьев и кустов точно больше – а местами откровенно непонятный. Вывески магазинов «Булочная», «Молоко» и «Галантерея» встречались чуть ли ни через дом. Незнакомые названия, бесконечные очереди людей, толпы уличных продавцов с картонками вроде «Куплю антиквариат» или «Османский трикотаж»... А еще – крыши. Взгляд рефлексом цеплялся за них, и вот что занятно: на крышах то и дело мелькали люди, причем не работники, а прохожие, кое-где даже заметил лавочки и цветы.

Я знал, что мы ехали на какую-то стрелку. Не знал, зачем взяли нас. Хотя слово «болванки» подсказывало, что рабов бандиты Шрама используют как пушечное мясо. Вот почему Генка настоял, чтобы взяли меня. Остальные присутствующие выглядели зажатыми и чахлыми – взяли тех, кого не жалко потерять, а хороших работяг берегут. Но не заставят же они нас драться? Пусть попробуют.

С Лиговского мы выехали на Московский проспект и дальше двигались прямо, пока не достигли ресторана с названием «Роза ветров», расположенного на углу широкого перекрестка. У выхода из ресторана не встать – множество других машин занимало целую полосу. Развернулись и встали на противоположной

стороне перекрестка. Мишин было больше десяти, в некоторых, судя по всему, рабов вообще не находилось, только братки.

И мы не просто «приехали». Отдельные автомобили встали поперек улицы, нагло перекрывая движение. Через минуту перекресток уже был полностью заблокирован, даже трамвай не мог проехать. Несколько пытающихся проехать машин посигналило, но в итоге развернулось – кому охота иметь проблемы с... вот такими ребятами?

Вылезать нужно было не в разнобой, а по команде. Эффект получался таким, что из всех машин мы выходили одновременно – при этом неторопливо. Если бы не тонированные стекла, я представляю, каким уморительным было бы зрелище: в машинах люди теснятся как килька в банке, зато на улицу выходят по-величественному неторопливо! А смотреть было кому, взгляд сам собой мазнул по крыше шестиэтажного здания, на первом этаже которого была «Роза ветров». Сверху мелькнуло трое фигур. Они то ли получили какую-то команду, то ли сами действовали синхронно. Выглядело это так, словно люди с оружием в руках приняли упор лежа. Тут так принято?

Водитель пристально следил за нами и одновременно показывал безмятежный вид. Стоя спиной к «Розе ветров», он неторопливо прикуривал сигареты марки «Прима», а глазами зыркал по нам, руководил, кому куда встать и какую позу принять.

– Шаг назад, – скомандовал он. – Руки в карманы. А ты – к машине прислонись. Ненавязчиво, усек? Вы двое! С другой стороны к машине облокотитесь. Так, чтобы и полчаса неподвижно простоять могли. Как истуканы тоже не стойте. И не дергаться.

Общее впечатление вся эта театральность производила нешуточное. Человек тридцать, а то и больше, размеренно выходит и встает возле машин. Издалека попробуй еще догадайся, что половина присутствующих – рабы.

Начал понимать, зачем все это. В случае перестрелки у бандитов Шрама будет больше шансов выжить, пока враг будет тратить время на расстрел переодетых рабов. Не то чтобы это панацея, но в качестве халявной подстраховки – почему нет. Раз используют это постоянно, значит, работает. А вот персонально для меня это плохо.

Из «пontiака» Шрама вышло еще несколько важных персон. Ну а как еще назовешь двух мужчин средних лет, разодетых в элегантные плащи с подобием эполета на плече? Да и весь их вид давал понять, что люди эти не от мира сего, иного сорта. На их фоне Шрам в кожаном плаще с серебряной цепью выглядел так себе, будто мелочь по карманам тырит.

И вот эта тройка в сопровождении телохранителей направилась в сторону «Розы ветров», где тоже уже собиралась немаленькая компашка – только уже «второй» стороны. Какие-то другие бандиты, видимо. Над входом в ресторан вдруг вспыхнул полупрозрачный синий шар. Подобно жевательному пузырю он быстро расширялся в размерах, достигнув проезжей части. А затем моментально схлопнулся, оставив после себя секундное свечение на стенах здания. Так, словно это была какая-то магическая защита, никаких других объяснений подобным выкрутасам в голову не приходили.

Компания со Шрамом встала возле входа и заговорила с людьми, которые мало чем отличались от шрамовских братков. Те же кожаные куртки или плащи, в отдельных случаях рубашки и кофты.

Из некоторых окон окрестных домов вылезали зеваки – и тут же исчезали, ожидая недоброго. Но неужели никто больше не заметил людей на крыше?

– На крыше снайперы, – ровным тоном проговорил я, обращаясь к нашему водителю. Тот вздрогнул, у него аж сигарета изо рта чуть не выпала.

– Че н-на? – спросил он, и я никак не смог даже примерно понять, какие смыслы и эмоции он вкладывал в этот вопрос, и были ли они вообще. Но потом, задумавшись, уточнил: – На каком?

– На «Розе».

Водитель глянул туда, но, видимо, ничего не увидел.

– Стойте тут. Дернитесь – порешу.

И двинулся к Генке, который тоже руководил группой рабов, хотя издали могло показаться, что он стоял с собратями. Вернулся водитель уже с Генкой, а

тот даже слушать ничего не хотел.

– Слышь, подкидыш. Будешь Бромом мешать – я тебе показательно тут горло порежу у всех на глазах. Не трынди чепухи.

– Да мне-то что, – пожал плечами я. – Что увидел, то и сказал. Один справа у антенны. Другой слева, аккурат над водостоком. Третьего не видно, но он посередине ложился.

Водитель, которого называли Бромом, косо присмотрелся. И тут трио из Шрама и двух аристократов вслед за компанией местных отправилась внутрь здания. Генка, пренебрежительно махнув рукой, вернулся на свою позицию и заговорил с братками.

На всех этих шрамовских бойцов – плевать, если честно. Умрут – и хорошо, быстрее сбегу. Вот только кто сказал, что меня самого валить не станут? Скрыться за ближайшим домом тут несложно, хотя за условной линией машин с рабами стоит еще одна полоса братвы – специально следит, чтобы никто не сбежал, закрывает контур. Но что, если снайперы как раз на этот счет там и сидят? Линия огня у них только на дальние позиции, с дороги их и не видно толком. И где гарантии, что у второй стороны тут не напичкано бойцов по всем зданиям?

Короче, я еще слишком слабо знал реалии этого мира и мог чего-то не учесть. А жить хотелось все же больше, чем жертвовать собой ради смерти людей Шрама.

– Бром, кто у вас по охране главный? – спросил я водителя. – Набери по рации, скажи о снайперах. Хуже не будет, зато будут иметь в виду. Охота тебе на прицеле стоять?

Лицо Брома исказилось, выражая крайнюю степень умственной работы. Надо признать, я его недооценил – думал, совсем тупенький, ему пока прямо не скажешь, он сам ни до чего другого не додумается. Ан-нет. Бром ненавязчиво сел в машину, закрыл дверь. И уже в машине чем-то занялся – плотные тонированные окна не позволили разглядеть.

– Сядь, – сказал он, открывая мне вторую дверь.

Ну я и сел. Бром держал в руке миниатюрный бинокль.

– Как понял, что снайперы?

– Предположил, а не понял. В руках у всех что-то было.

– А давай я предположу сходить тебе нахер, а? – раздраженно ответил он и еще раз присмотрелся в бинокль. А затем протяжно выматерился, доставая из кармана рацию. – Роза-медуза, Роза-медуза, прием.

Брому ответили, хотя слов я не разобрал.

– Жду, – ответил он и поторопил меня выйти из машины, затем вышел и сам.

Смысла всех этих действий я не понимал до того момента, пока из ресторана не появился Шрам, направившийся к нам. И только в личной беседе Бром едва ли не шепотом ему озвучил проблему. Я, как и остальные рабы, стоял где приказано, разговора не слышал. Шрам подошел к микроавтобусу, залез внутрь. Потом направился обратно в «Розу ветров» как ни в чем не бывало.

Последующие минут двадцать ничего не происходило. Бандиты курили, вставшие по обе стороны трамваи сигналили, не в силах проехать, Генка жвал жвачку и звенел в руке цепью. А потом все закончилось. Аристократы выходили из здания, братки возвращались в машины, запускали туда рабов. Мне показалось, я прямо слышал и видел вздохи облегчения – потому что боялись на самом деле все. Лишь за пару секунд до того, как пришла моя очередь лезть в восьмерку, заметил на крыше человеческий силуэт. В руке у него что-то светилось... Похоже на длинный нож, источающий белый свет. Этот силуэт двигался быстро – неправдоподобно быстро. Как будто убивал...

Или это всего лишь отблески яркого летнего солнца? Мало того, что жара на улице, так еще и голову кружит. Самое то, чтобы потерять сознание в душной восьмерке.

В салоне не сразу поняли, что я отрубился. Давка была такая, что голова неподвижно упиралась в окно. Ну а то, что кровь из носа пошла, никого другого не заботило, да и вряд ли кто-то заметил. Уже когда подъезжали, в колонках заиграла громкая песня, заставившая проснуться.

Нажми на кнопку – получишь результат

И твоя мечта осуществится [3]

Мечта моя пока была далека от осуществления. Общее состояние напрягало. Мало того, что лихорадит, так еще и время от времени весь мир «моргает» цветами. На миг все становится каким-то огненным, кислотно-огненной сепией. Затем все возвращается в норму, а вот странное ощущение остается. Это было и вчера в хате – показалось, словно в венах на руках течет огонь.

Кровь из носа утер. Спускаясь в подвал, постарался снова запомнить весь путь, прикинуть варианты побега. Все бы хорошо, если бы не охрана. А еще при переходе из одной комнаты в соседнюю стоят подвижные зеркала. Они настроены так, чтобы сидящие в одной комнате могли видеть, кто находится в другой.

Когда возвращал олимпийку, заметил своих сокамерников на станках и за столами – что-то делали с рудой. Их контролировала Ассоль. При появлении нас – в смысле не только рабов, но и бандитов – она осторожно посторонилась, словно и близко не желала находиться. Меня она заметила не сразу, но когда заметила... Не знаю, показалось ли, словно облегченно выдохнула. Наушники традиционно висели на ее шее, а вот фуражки на сей раз не было. Светлые кудрящиеся волосы доходили ей до плеч. Взгляд мой размывался все сильнее, но эти сияющие волосы, подобно нимбу, выделялись мне очень ярко, затмевали все остальное...

Чуть не упал. В прямом смысле – просто стоял, колени надломились, и меня повело вперед.

– Куда собрался? – придержал меня за плечо неизвестный мне бугай, неправильно разгадав мое движение. – От работы вас никто не освобождал. Ген, займи своих болванок, в натуре!

Генка появился из какой-то двери, перекинулся парой фраз с уходящими бандитами и затем окинул взглядом тех, кто уже вернул одежду. Видимо, до следующего раза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/noks_igor/dumer

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)